АЗБУКА ВЕРЫ

Константин Дмитриевич Ушинский

Рассказы и сказки

Художественная литература · azbyka.ru

Рассказы и сказки – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/rasskazy-i-skazki-ushinskij

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Рассказы и сказки

Константин Дмитриевич Ушинский

Рассказы

Дети в роще

Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

– Знаешь ли что? – сказал брат сестре. – В школу мы еще успеем. В школе теперь душно и скучно, а в роще должно быть очень весело. Послушай, как кричат там птички; а белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуки в траву, взялись за руки и скрылись между зелеными кустами, под кудрявыми березами. В роще точно было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суетились в траве.

Прежде всего дети увидели золотого жучка.

– Поиграй-ка с нами, – сказали дети жучку.

– С удовольствием бы, – отвечал жук, – но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

– Поиграй с нами, – сказали дети желтой, мохнатой пчеле.

– Некогда мне играть с вами, – отвечала пчелка, – мне нужно собирать мед.

– А ты не поиграешь ли с нами? – спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить свое хитрое жилье.

Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними, но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму. Голубь сказал: «Строю гнездо для своих маленьких деток». Серенький зайчик бежал к ручью умыть свою мордочку. Белому цветку земляники также некогда было заниматься детьми: он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробегал ручей через рощу.

– Тебе уж, верно, нечего делать, – сказали ему дети. – Поиграй же с нами.

– Как! Мне нечего делать? – прожурчал сердито ручей. – Ах вы, ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю и днем и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет белье, вертит мельничные колеса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идет кругом, – прибавил ручей и принялся журчать по камням.

Детям стало еще скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик приметил на зеленой ветке крошечную, красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала превеселую песенку.

– Эй ты, веселый запевало! – закричал малиновке мальчик. – Тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать: поиграй же с нами.

– Как? – просвистала обиженная малиновка. – Мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток! Я так устала, что не могу поднять крыльев; да и теперь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаете по роще да еще мешаете другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал все, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно; они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

Дедушка

Сильно одряхлел дедушка. Плохо он видел, плохо слышал; руки и ноги у него дрожали от старости: несет ложку ко рту и суп расплескивает.

Не понравилось это сыну и невестке: перестали они отца с собой за стол сажать, запрятали его за печь и стали кормить из глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежнего разозлились сын и невестка: стали они кормить отца из старой деревянной миски.

У старикова сына был свой маленький сынок. Сидит раз мальчик на полу и складывает что-то из щепочек.

– Что ты делаешь, дитятко? – спросила у него мать.

– Коробочку, – отвечает дитя. – Вот как вы с тятенькой состаритесь, я и буду вас из деревянной коробочки кормить.

Переглянулись отец с матерью и покраснели. Полно с тех пор старика за печь прятать, из деревянной чашки кормить.

Подсади на печь дедушку, тебя внуки подсадят.

Уважай старика: сам будешь стар.

Играющие собаки

Володя стоял у окна и смотрел на улицу, где грелась на солнышке большая собака, Полкан.

К Полкану подбежал маленький Мопс и стал на него кидаться и лаять; хватал его зубами за огромные лапы, за морду и, казалось, очень надоедал большой и угрюмой собаке.

– Погоди-ка, вот она тебе задаст! – сказал Володя. – Проучит она тебя.

Но Мопс не переставал играть, а Полкан смотрел на него очень благосклонно.

– Видишь ли, – сказал Володе отец, – Полкан добрее тебя. Когда с тобою начнут играть твои маленькие братья и сестры, то непременно дело кончится тем, что ты их приколотишь. Полкан же знает, что большому и сильному стыдно обижать маленьких и слабых.

Паук

Мальчик пошел со своим отцом в виноградник. Там увидал он пчелу, запутавшуюся в паутину. Паук уже готовился вонзить свои ядовитые зубы в тело бедного насекомого, но мальчик разорвал сети хищника и освободил пчелу.

– Ты очень мало ценишь искусство этого насекомого, разрывая его хитрую сеть, – сказал отец мальчику. – Разве ты не видишь, как правильно и красиво переплетены эти тонкие ниточки?

– Я думаю, – отвечал мальчик, – что паук так искусно плетет свою сеть для того, чтобы ловить в нее и потом убивать других насекомых, а пчелка собирает мед и воск. Вот почему я освободил пчелку и разрушил хитрое тканье паука.

Отцу понравилось суждение мальчика.

– Правда твоя, – сказал он сыну, – но, может быть, ты поступил с пауком не совсем справедливо. Развешивая свою ткань по ветвям винограда, он защищает зреющие кисти от мух и ос и истребляет вредных насекомых.

– Делает ли он это для того, – спросил мальчик, – чтобы сберечь для нас виноград, или для того, чтобы самому поживиться и мухами?

– Конечно, – отвечал отец, – ему нет дела до нашего винограда.

– В таком случае, – отвечал мальчик, – добро, которое делает паук, не может быть вменено ему в заслугу.

– Правда твоя, – отвечал отец. – Мы должны благодарить за это природу, которая и вредных созданий умеет заставить делать добро и приносить пользу.

– Но скажите, батюшка, – продолжал мальчик, – почему паук в одиночку ткет свою паутину, тогда как пчелы целым обществом делают свои соты?

– Потому, – отвечал отец, – что только добрая цель может прочно соединять многих, союз злых разрушается сам собою.

Гуси

Вася увидел вереницу диких гусей, которые неслись высоко в воздухе.

Вася. Могут ли так же летать наши домашние утки?

Отец. Нет.

Вася. Кто же кормит диких гусей?

Отец. Они сами отыскивают себе пищу.

Вася. А зимою?

Отец. Как только наступает зима, дикие гуси улетают от нас в теплые страны, а весною возвращаются снова.

Вася. Но почему же домашние гуси не могут летать так же хорошо и почему не улетают они от нас на зиму в теплые страны?

Отец. Потому, что домашние животные потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу и чувства у них не так тонки, как у диких.

Вася. Но почему это случилось с ними?

Отец. Потому, что люди об них заботятся и отучили их пользоваться их собственными силами. Из этого ты видишь, что и люди должны стараться делать сами для себя все, что только могут. Те дети, которые полагаются на услуги других и не приучаются сами делать для себя все, что только могут, никогда не будут сильными, умными и ловкими людьми.

Вася. Нет, теперь я буду стараться сам все для себя делать, а не то, пожалуй, и со мной может сделаться то же, что с домашними гусями, которые разучились летать.

Ученый медведь

– Дети! Дети! – кричала няня. – Идите медведя смотреть.

Выбежали дети на крыльцо, а там уже много народу собралось. Нижегородский мужик, с большим колом в руках, держит на цепи медведя, а мальчик приготовился в барабан бить.

– А ну-ка, Миша, – говорит нижегородец, дергая медведя цепью, – встань, подымись, с боку на бок перевались, честным господам поклонись и молодкам покажись.

Заревел медведь, нехотя поднялся на задние лапы, с ноги на ногу переваливается, направо, налево раскланивается.

– А ну-ка, Мишенька, – продолжает нижегородец, – покажи, как малые ребятишки горох воруют: где сухо – на брюхе; а мокренько – на коленочках.

И пополз Мишка: на брюхо припадает, лапой загребает, будто горох дергает.

– А ну-ка, Мишенька, покажи, как бабы на работу идут.

Идет медведь, нейдет; назад оглядывается, лапой за ухом скребет.

Несколько раз медведь показывал досаду, ревел, не хотел вставать; но железное кольцо цепи, продетое в губу, и кол в руках хозяина заставляли бедного зверя повиноваться. Когда медведь переделал все свои штуки, нижегородец сказал:

– А ну-ка, Миша, теперича с ноги на ногу перевались, честным господам поклонись, да не ленись, да пониже поклонись! Потешь господ и за шапку берись: хлеб положат, так съешь, а деньги, так ко мне вернись.

И пошел медведь, с шапкой в передних лапах, обходить зрителей. Дети положили гривенник; но им было жаль бедного Миши: из губы, продетой кольцом, сочилась кровь.

Трусливый Ваня

Замесила мать Вани тесто в квашне и поставила на печь киснуть, а сама ушла к соседке.

В сумерках пришел Ваня домой, окликнул – никого в избе нет. Вот и хотел он огоньку вздуть, как слышит: кто-то на печи пыхтит. «Видно, домовой!» – подумал Ванюша, затрясся от страху, выпустил из рук лучину – да бежать. Впотьмах наступил Ваня на кочергу, а она его по лбу!

– Ай-ай, батюшки, помогите! Помогите! – завопил Ваня и хотел было вон из избы. На ту беду разулся у него лапоть, и Ванюша прихлопнул дверью оборку от лаптя: растянулся в сенях и вопит благим матом: – Ай, батюшки! Ай, соседушки! Помогите! Отымите! Держит меня домовой!

Прибежали соседи, подняли Ванюшу ни жива, ни мертва; а как узнали, в чем дело, то стали над ним смеяться. Долго потом все дразнили Ванюшу и расспрашивали его: как это он испугался теста в квашне, кочерги в углу, лаптя на своей ноге?

Любопытство

Павлуша *(с любопытством).* Что это там у тебя в переднике, Лиза?

Лиза. А тебе это очень нужно знать?

Павлуша *(шутя).* Покажи же, а не то я насильно посмотрю.

Лиза. Ничего там нет.

Павлуша. Неправда: ты что-то прячешь от меня. Покажи, пожалуйста, покажи.

Лиза. Не тронь: может быть, это подарок тебе к Новому году.

Павлуша. Как? Что? Подарок к Новому году? Покажи же, душечка сестрица, покажи, что там такое *(хочет вырвать передник из рук сестры, но Лиза не дает).* Скажи, по крайней мере, что это такое? Верно, кошелек? Не правда ли, кошелек?

Лиза. Зачем тебе кошелек; разве я тебе не вывязывала кошелька?

Павлуша. Что ж бы это было такое? Ах, знаю: ты связала мне шарфик.

Лиза. У тебя два шарфика. На что же тебе третий?

Павлуша. Как ты меня мучишь, сестрица! Какая ты скрытная!

Лиза. Какой ты любопытный!

Павлуша. Знаю, знаю. Это, верно, батюшка купил мне что-нибудь к Новому году, какая-нибудь игрушка?

Лиза. Может быть, батюшка и купил тебе что-нибудь, но ты знаешь, как он не любит, чтобы угадывали заранее его подарки.

Павлуша. Да я ему не скажу и в Новый год притворюсь, как будто ничего не знаю.

Лиза. Я и не знала, что ты умеешь так притворяться. Покажи же, как ты это сделаешь.

Павлуша. Уж сделаю как-нибудь, но помоги мне, пожалуйста, отгадать, что там у тебя такое. Что-нибудь из царства растительного?

Лиза. Нет.

Павлуша. *Из царства животного?*

Лиза. Нет.

Павлуша. *Из царства минерального?*

Лиза. Нет.

Павлуша. Теперь же я тебя поймал: конечно, нет в твоем переднике чего-нибудь *из царства духов.*

Лиза. Конечно нет! *(Опускает со смехом передник и показывает, что в руках у нее ничего нет.)* К какому царству принадлежит ничто?

Павлуша. Ах ты плутовка! Зачем же ты так таинственно закрывала руки передником, как будто бы у тебя бог знает что такое?

Лиза. Мне просто было холодно без перчаток; а ты сам себя наказал своим любопытством.

Павлуша. Хорошо, хорошо, но, знаешь ли, что я скажу тебе, Лиза! В другой раз ты меня так не проведешь.

Поездка из столицы в деревню

Столица и ее окрестности

Володя и Лиза во всю свою жизнь ни разу не выезжали из Петербурга. Можно себе представить, как они обрадовались, когда отец сказал им, что они на целое лето поедут в деревню за 600 верст.

В день, назначенный для отъезда, к крыльцу подъехал укладистый тарантас[1], запряженный тройкою почтовых лошадей. Укладка продолжалась часа полтора, так что только к вечеру маленькая семья уселась в экипаж, и колеса его запрыгали по каменной мостовой.

Улицы через две тарантас выехал на *набережную* Невы и поехал по длинному каменному мосту с чугунными перилами, сделанными точно из кружев. На широкой, величественной реке мелькали сотни лодок, летели один за другим дымящиеся пароходы, а вдали, как лес, стояли бесчисленные мачты стройных кораблей. Великолепная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественные церкви, обширные красивые площади, широкие, богатые, шумные улицы, чудесные памятники – все это дети видели уже часто, и все это им было не в диковинку.

За мостом тарантас поехал по одной из лучших улиц *столицы.* Сплошные ряды громадных каменных домов подымались высокими стенами по обеим сторонам. Тысячи раззолоченных вывесок пестрели на домах. За огромными зеркальными окнами великолепных магазинов и богатых лавок были выставлены и разложены самые разнообразные товары. Здесь было все, что угодно: золотые и серебряные вещи, чудные изделия из дорогих каменьев, роскошные материи для платьев, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфеты и пирожные, редкие дорогие фрукты, заманчиво разложенная зелень… Но у крыльца одного из

таких магазинов дети заметили бедняка в лохмотьях, который робко посматривал вокруг, не подаст ли ему кто-нибудь гроша; а этот грош нужен был ему для куска хлеба, одежды и найма квартиры где-нибудь в подвале этих роскошных домов.

Блестящие экипажи с грохотом неслись по мостовой; разряженные толпы народа двигались по тротуарам; беспрестанно попадались навстречу конные и пешие отряды солдат, оружие которых сверкало на солнце. Но Володе и Лизе хотелось поскорее за город, в леса, в поля, в деревню. Часа через полтора тарантас выехал за заставу и поехал по шоссе – гладкому, прямому, как стрела, с каменными мостиками, с каменными верстовыми столбами. По обеим сторонам его стояли красивенькие дачи с маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здесь было меньше, чем где-нибудь на Невском, но все еще очень и очень много.

Навстречу нашим путешественникам беспрестанно попадались: то громадные почтовые кареты с разодетыми кондукторами впереди, которые то и дело трубили в медные рожки, то блестящие городские экипажи, то длинные, тяжело нагруженные товарами обозы, даже городские, легковые извозчики с номерами на затылках. Все эти предметы были очень хорошо знакомы детям и мало напоминали собою деревню. Они даже плохо слышали колокольчик, который болтался под дугою, а нарядный ямщик, сидевший у них на козлах, походил более на кучера, чем иной бедный петербургский извозчик. Близость огромного, многолюдного города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечереть. Дети проснулись сегодня чуть ли не в три часа утра, провозились за укладкой целый день, а потому глаза их слипались, головки клонились на подушки, которых было довольно в тарантасе. Скоро наши маленькие путешественники заснули и спали долго и крепко, как спят только усталые дети на вольном воздухе, под открытым небом, при небольшой, убаюкивающей качке экипажа, под усыпительные звуки почтового колокольчика. Короткая петербургская ночь была светла, и тарантас быстро удалялся от Петербурга.

Солнце уже было высоко, и тарантас успел уехать более ста верст, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшиеся дети насилу могли вспомнить, что с ними делается, где они и что это за колокольчик звенит перед ними. Но едва только мелькнула у них мысль, что они в дороге, на пути в деревню, едут на почтовой тройке, и притом еще с колокольчиком, как сна будто и не бывало! Весело и бодро вскочили они и с любопытством стали осматриваться кругом.

Твердое, каменистое шоссе уже исчезло. Экипаж тихо катился по мягкой, *простой почтовой* дороге, и почтовый колокольчик звонко побрякивал в чистом утреннем воздухе. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжных лошадей: он остановил тройку и слез с козел. Прежде всего поразила детей глубокая тишина, царствовавшая в полях. Только где-то, высоко, пел невидимый жаворонок. Серебряные трели его вольной песни звонко раздавались в прозрачном, чистом воздухе, наполненном благоуханиями полей. По обеим сторонам дороги, по волнистым холмам, подымались полосы разноцветных нив, то покрытых зеленеющими хлебами, то черных, *отдыхающих под паром.* На горизонте, где небо сходится с землею, тянулась синяя зубчатая полоса далекого леса. В лощине между двумя длинными холмами виднелись соломенные крыши большого села, разбросанного на скате. Позолоченный крест сельской церкви ярко горел на солнце. С другой стороны дороги можно было заметить вдали небольшую *деревню,* в которой не было церкви.

Дети молчали: новость и прелесть сельской картины глубоко на них подействовали.

Минут через двадцать тарантас застучал по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному через глубокий овраг. На дне оврага, в высокой траве, сверкала маленькая

речка. За мостом вскоре начался густой, темный лес. Громадные, вековые сосны протягивали над дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья с колючими, всегда зелеными ветвями. Колеса тарантаса врезались в песок, и лошади пошли шагом.

Лес был большей частью сосновый, но кое-где виднелись пирамидальные ели с своими стройно расположенными сучьями, выгнутыми книзу, как крыши китайских домиков. Там и сям белели стройные березы с кудрявыми, ярко-зелеными верхушками, трепетали вечно дрожащие листочки осины. Внутри леса, между деревьями, царствовали тень, прохлада и тишина. По временам густой лес прерывался полянами. На опушках таких полян, покрытых свежей травой, береза, осина, небольшие елки и тонкий, гибкий орешник, перемешиваясь, составляли красивые группы. В высокой, сочной траве видно было много цветов, а кое-где блестели, как коралл, ярко-красные ягодки вызревшей земляники. Кукушка отзывалась где-то далеко в глуши леса; по временам раздавался звонкий, резкий крик иволги.

Высокий лес тянулся верст на пять, и дети не могли им налюбоваться. Но лошадям трудно было тащить тарантас по глубокому сыпучему песку, и, кроме того, бедных животных беспокоили овода. Наконец лес стал редеть, и вместо больших сосен показались кустарники. Опушка леса продолжалась еще с полверсты; потом колеса экипажа застучали по более твердому грунту. Опять по обеим сторонам дороги пошли бесконечные поля, расстилающиеся по холмам до самого горизонта.

Через полчаса ямщик сильно погнал лошадей и остановился у небольшого домика. У крыльца стояла толпа ямщиков с медными бляхами на шляпах, две или три телеги и тройка только что воротившихся лошадей. Это была станция. Володя обратил внимание на большой полосатый столб, на котором было крупными буквами написано: *«От С. – Петербурга версты».*

Деревня, уездный и губернский город[2]

Меняя лошадей на станциях, останавливаясь только напиться чаю и поесть, ночуя в экипаже, потому что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ехали наши путешественники два дня или, лучше сказать, двое суток, потому что ехали день и ночь, уезжая в сутки верст по двести и более. Много они проехали маленьких деревень. В иных всего-то было 10 и 15 домов, низеньких, пошатнувшихся набок, с почерневшими бревенчатыми стенами, с полусгнившими соломенными крышами. Много проехали они и больших сел, где иногда попадались прекрасные каменные церкви, несколько домов почище других и две-три маленькие грязные лавчонки, в которых деготь и баранки, пряники и колеса продавались вместе. Эти лавочки были беднее товаром, меньше и грязнее на вид самой жалкой из овощных лавок столицы.

Наши путешественники проехали также три уездных города и даже один губернский. *Губернский город* походил еще на город. По главным улицам его была каменная мостовая, кое-где попадались огромные каменные дома; но между ними не много было таких, к каким дети привыкли в столице. Только один *губернаторский дом* да новые *присутственные места*[3], высокий, прекрасный собор и несколько старинных церквей могли бы, как казалось детям, стоять без стыда и на петербургских улицах. Но гостиный двор, посреди огромной, пустой площади, показался им и мал, и беден, и грязен. Тут были, правда, два-три магазина, но какое сравнение с петербургскими магазинами! Было десятка два вывесок; но какое сравнение с петербургскими вывесками! Народу и экипажей на улицах несравненно меньше.

Уездные города были еще меньше и беднее губернского: три-четыре немощеные улицы, обставленные низенькими деревянными домиками, длинные, иногда полуразвалившиеся заборы; огороды и сады посреди города; деревянные столбики вместо тротуаров, коровы и свиньи, бродящие по улицам; пустота, тишина, отсутствие движения! Только пять или шесть

каменных домов; площадь, на которой помещались десятка два лавок; каменные *присутственные места,* выкрашенные когда-то желтой охрой; пять-шесть полуистертых вывесок сапожников и портных; вывешенный на палке крендель булочника да изредка городские дрожки доказывали, что это не деревня, а город.

На третий день пути Александр Сергеевич очень рано поутру, когда солнце только что встало, разбудил разоспавшихся в тарантасе детей, говоря, что нужно выйти из экипажа и идти пешком. Дети встали, дрожа от свежести утреннего воздуха, и начали с любопытством осматриваться вокруг. Тарантас стоял на берегу реки, к которой круто спускалась дорога. На реке моста не было, но с той стороны реки два перевозчика в синих рубахах гнали к берегу на шестах небольшой, довольно ветхий паром. На этом берегу столпилось в ожидании парома множество крестьян и крестьянок, пешком и в телегах, и возов до десяти с различной кладью. Возы были нагружены сеном, соломой, мешками с мукой, горшками, кирпичом, дровами; на иных телегах мычали телята и бараны или визжали поросята, у других были привязаны сзади крестьянские лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидели и лежали на телегах и просто на земле, хотя трава была покрыта серебристой росою. За плечами крестьянок висели корзины с яйцами, в руках были кадочки с маслом, иные держали кур, гусей, пучки луку, рыбу в судках и раков в корзинках, наполненных крапивой.

Александр Сергеевич узнал от крестьян, что они отправляются на торг в уездный город, который был виден на противоположном крутом и высоком берегу реки. Володя видел, какие товары крестьяне везли в город, но ему захотелось узнать, что они будут покупать там. С этим вопросом он обратился к седому старику, который, накрывшись тулупом, сидел на своей телеге, терпеливо дожидаясь перевоза. Старик с трудом понял, о чем его спрашивал Володя, но, понявши, усмехнулся и ласково отвечал:

– Что нам нужно в городе? Как что? Да вот, маленький барин, мне нужно купить соли, а соли в деревне не достанешь; нужен мне и топор, – мой совсем иступился; нужно еще две косы, – уж косовица подходит. Жене куплю в городе ситцевый платок, а детям по прянику. Ведь у нас в деревне, кроме черного хлеба, луку, молока да яиц, ничего не найдешь. Кто может, едет купить себе сапоги, а другому нужна шляпа, кушак или рукавицы. Вот зятьку моему понадобились стекла, замок к двери и петли; он, вишь, строит себе избу, а стекол-то у нас в деревне не делают и слесарей нет; гвоздей тоже, чай, захватит, потому что и гвоздей у нас не найдешь. А там-от-ко стоит моя сноха с петухом и с корзиной яиц, ей нужно кумачу[4] на кичку[5], ситцу на сарафан, иголки, чай, все вышли, а может, купит она железный ковш для воды или пару серпов. Да мало ли чего кому нужно! У нас же в деревне, почитай, ничего нету. Что есть, то, как видишь, и везем продавать. Всем же нам, барин, кроме того, нужны деньги…

Весело было переезжать широкую реку на пароме. По всей реке тянулись барки, нагруженные товаром, и медленно двигались по течению длинные неуклюжие плоты. На другом берегу с горы спускался длинный обоз. По всему было видно, что это было место бойкое, *торговое,* где сходились судоходная река и большая проезжая дорога. На высоком и крутом берегу был живописно раскинут небольшой, но промышленный город; красные, зеленые и серые крыши его пестрели посреди зеленеющих садов, позолоченные кресты и главы церквей весело играли на солнышке.

Просёлочная дорога

На четвертый день пути наши путники должны были переменить почтовых лошадей на *долгих* и свернуть с большой *почтовой дороги на проселочную.*

На проселочной дороге картина несколько изменилась, да и ехать было гораздо беспокойнее. Колеса широкого тарантаса не попадали в глубокие колеи, прорезанные узкими крестьянскими телегами. Тарантас ехал как-то боком, и тряска увеличилась. Но дети не обращали на нее большого внимания: так занимало их все, что они видели. По обеим сторонам дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвела, налилась и начинала желтеть. Золотистыми, колеблющимися волнами разливалась она по обе стороны на необозримое пространство. Во ржи синело такое множество васильков, что дети, выйдя из экипажа, мигом нарвали два огромных пучка. Скоро два венка, сплетенные искусными ручками Лизы, свежие, синие и блестящие, перевитые с колосьями ржи, украсили русые головки детей.

На дороге почти никто не попадался. Изредка только проедет мужик с тяжелой сохой, пройдет косарь с блестящей косой или вдали покажется пастух и пестрое стадо. Здесь деревни были уже настоящие деревни: глухие, безмолвные, окруженные полями, лугами и лесами. Подъезжая к деревне, извозчик должен был всякий раз вставать с козел и отпирать скрипучие ворота околицы. Утлая огорожа, сделанная из жердей и кольев для того, чтобы скот, выходя из деревни, не вытаптывал полей, задолго еще предупреждала наших путешественников, что они приближаются к деревне.

Наступила рабочая летняя пора, и деревни были почти совершенно пусты. Все крестьяне были в поле на работе, только ребятишки играли на улице да какая-нибудь старуха выходила набрать воды в колодце и немилосердно скрипела длинным шестом, опуская бадью в воду.

Крестьянская изба

Извозчик остановился кормить лошадей у знакомого крестьянина, изба которого была побольше и почище других. Приходилось простоять часа три, и путешественники наши вздумали, что недурно было бы напиться чаю; на вопрос о самоваре старушка усмехнулась.

– Какие у нас, батюшка, самовары! – сказала она. – Мы и чаю-то, почитай что, отродясь не пивали; а вот когда сливочек или яичек милости вашей угодно, так это у нас есть.

Пришлось довольствоваться тем, что было, и дети с удовольствием съели даже засохшую булку, которая одна только и осталась у них от последнего города. Старуха, правда, принесла краюху черного хлеба, но он был так черств, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здесь в первый раз дети были в настоящей крестьянской избе. Нечего греха таить, она показалась им и грязна, и тесна, и душна. В углу стояла огромная печь, наверху половину избы занимали полати, закоптелые от дыма. Маленькие, запачканные окна мало пропускали света. Земляной пол был грязен. По голым стенам, между почернелыми бревнами которых торчал мох, ползало множество тараканов. Вся мебель избы состояла из двух больших лавок по стенам, скамейки и большого деревянного стола. На столе стояла деревянная же солонка и лежал хлеб, закрытый грубым полотенцем. У печи висел на веревочке глиняный рукомойник. В переднем углу видно было несколько почернелых образов, украшенных засохшими цветами и ветками березы. В другом углу, за ситцевой занавеской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кроме старушки и двух маленьких ребятишек, русые всклоченные головки которых виднелись с полатей, не было никого, а, по словам старухи, семья у нее была большая: старик – муж ее, двое женатых сыновей, две взрослые, еще незамужние, дочери и даже внук, мальчик лет десяти, с ранней зори ушли на косовицу. Там они останутся целый день и воротятся только поздно, поздно вечером, а может быть, и заночуют в поле. Трудную и нероскошную жизнь ведут наши крестьяне в деревнях, но трудами их кормится вся Россия. Из таких маленьких, мрачных, курных изб выходят все те копейки и рубли, на которые выстроен и живет пышный

Петербург со всеми своими богатыми лавками и магазинами. Блестящие пароходы и громадные корабли, которые наши дети видели на Неве, пришли из разных государств большей частью за хлебом. Но хлеб в столицу собирается из самых отдаленных мест, по рекам, каналам и дорогам, из всех этих маленьких, бедненьких деревень. На подать, которую дает крестьянин, содержатся блестящие войска, строятся корабли и крепости, из нее же платится жалованье чиновникам. Из крестьянского оброка строятся великолепные дома, покупаются блестящие экипажи. Так, маленькие, незаметные, роющиеся в земле корешки питают пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своем тоненьком стебельке. Сорвите розу – вместо нее появится другая; повредите корень – весь куст завянет, и пышная роза не будет больше гордо качаться на тоненькой ветке.

Верст через семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной речки: она извивалась, как огромная блестящая змея, на дне глубокой речки расстилались далеко луга; из них, в разных местах, видны были косари, сверкающие своими стальными косами. Извозчик с видимым удовольствием смотрел на эти обширные, зеленые луга.

– Вот луга так луга! – сказал он, обращаясь к Володе, который с позволения отца уселся возле ямщика на козлах. – Какая бы ни была засуха, на них всегда есть трава и покос всегда хороший.

– Отчего же это? – спросил Володя.

– Да оттого, маленький барин, – отвечал ямщик, что всякую весну эта речонка разливается куда как широко – вон под те самые лозы, верст, чай, на семь! Когда же вода потом сбудет, то и трава пойдет расти шибко да гонко, – да такая зеленая, сочная! Эти луга, барин ты мой милый, поёмные[6], дорогие луга, славные луга! Много они, сердешные, кормят лошадушек, а лошадушки, барин, кормилицы наши. Что бы мы без них стали делать? Они нас и возят, милые, они нам и пашенку пашут и боронят, а придется ли дровец из лесу привезти, – опять-таки за лошадушку. Они нам и навоз дают: без навоза же наши поля родят плохо. Вот и выходит, барин, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поёмные. Поле везде распахать можно, хоть бы из-под самого густого лесу: выруби деревья, повыкорчи корни да и распахивай землицу-то; а поёмного луга уж не распашешь! Где Бог дал, там он и есть; а где сена много, там и лошадка, и коровка, и овечки сыты… Эй, вы, сердешные, трогай! – прибавил ямщик, подстегнув слегка правую пристяжную.

Начинало вечереть. Поверхность речки блестела розовым светом. Кое-где чернели на ней стада диких уток. Длинноносый бекас со свистом перепархивал с одного берега на другой, а белые чайки, блестя в воздухе крыльями, с печальным криком носились над водою, зорко высматривали они, не выкажется ли где-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы – так называют этих чаек – большие охотники до рыбы и в этот вечер, наверно, охотились удачно. Рыба то и дело всплескивалась там и сям по реке, ловя комаров и мошек, которые, ища сырости и не находя ее вверху, кучами толклись над водою, предсказывая, что и завтра будет такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цветами – золотым, розовым и пурпуровым – серебряные облака, столпившиеся к западу. Отражая косвенные вечерние лучи, речка сверкала, как растопленное золото. Становилось прохладнее; а под ивами, свесившимися над водою, было уже совершенно темно. Утомленные длинной дорогой, дети чувствовали усталость, но до деревни, составлявшей цель их поездки, было уже недалеко.

Ветер и солнце

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго

спорили они и наконец решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

– Посмотри, – сказал Ветер, – как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал и начал дуть что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал все дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождем и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уже Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдернуть. Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, – сказало тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, – лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

Спор воды с огнем

Огонь и вода заспорили между собой, кто из них сильнее. Спорили долго, дрались даже. Огонь донимал воду своим пламенным языком, вода, шипя от злости, заливала расходившееся пламя, но спора решить не могли и выбрали себе в судьи ветер.

– Ветер-ветрило, – сказал судье огонь, – ты носишься по целому свету и знаешь, что в нем делается. Тебе лучше, чем кому-нибудь, известно, как я обращаю в пепел целые селения и города, как своими все уничтожающими объятиями обхватываю необозримые степи и непроглядные леса, как пламя мое рвется к облакам и как бежит передо мною в ужасе все живое – и птица, и зверь, и бледный дрожащий человек. Уйми же дерзкую воду и заставь ее признать мое первенство.

– Тебе известно, могучий ветер, – сказала вода, – что я не только наполняю реки и озера, но и бездонные пропасти морей. Ты видал, как я кидаю, будто щепки, целые стаи кораблей и хороню в моих волнах несметные сокровища и дерзких людей, как мои реки и ручьи вырывают леса, топят жилища и скот, а мои морские волны заливают не то что города и села, но целые страны. Что может сделать бессильный огонь с каменной скалою? А я уже много таких скал источила в песок и засыпала им дно и берега моих морей.

– Все, чем хвастаетесь, – сказал ветер, – обнаруживает только вашу злость, но еще не вашу силу. Скажите мне лучше, что вы оба делаете доброго, и тогда, быть может, я решу, кто из вас сильнее.

– О, в этом отношении, – сказала вода, – нельзя огню и спорить со мною. Не я ли даю питье и животным, и человеку? Может ли без моих капель прозябать самая ничтожная травка? Где нет меня, там только песчаная пустыня, и сам ты, ветер, поешь в ней печальную песню. Без огня могут жить во всех теплых странах, но без воды ничто жить не может.

– Ты забыла одно, – возразил соперник воды, – ты забыла, что и в солнце горит огонь, а что могло бы жить без солнечных лучей, несущих повсюду и свет, и тепло? Там, куда я редко заглядываю, ты сама плаваешь мертвыми глыбами льда посреди пустынного океана. Где нет огня, там нет жизни.

– А много ли жизни даешь ты в африканских пустынях? – спросила злобно вода. – Ты жжешь

там целый день, а жизни нет как нет.

– Без меня, – сказал огонь, – вся земля была бы безобразною замерзшею глыбою.

– Без меня, – сказала вода, – земля была бы глыбою бездушного камня, сколько бы ни жег ее огонь.

– Довольно, – решил ветер, – теперь дело ясное: поодиночке вы оба можете приносить только вред и оба одинаково бессильны на доброе дело. Силен же только тот, кто заставил вас да и меня также повсюду бороться друг с другом и в этой борьбе служить великому делу жизни.

Утренние лучи

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать повсюду свои золотые лучи – будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнездышка, поднялся высоко-высоко и запел свою серебряную песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!»

Второй луч попал на зайчика. Передернул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: «Ку-ку-реку!» Куры слетели с нашестей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвертый луч попал в улей. Выползла пчелка из восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья и – зум-зум-зум! Полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую, на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

Ручей

Много я слышал уже о журчащих ручьях, но никто мне еще не говорил, что такое они журчат. Вот светлый источник, пробивающийся из-под большого камня; усядусь-ка возле него и послушаю, что такое он болтает. Бесчисленные маленькие волны, перегоняя друг друга и журча, пробиваются между каменьями и песком, подымая и крутя его белые зернышки.

– Послушайте-ка, вы, маленькие резвые волны, расскажите мне: зачем вы так торопитесь, куда и откуда бежите, почему так суетливо толкаете друг друга?

– О! – залепетали волны. – Нас много, и очень много: там, в горе, нас еще столько, что и счесть невозможно; мы все хотим выйти на божий свет, а ворота узки; вот почему мы так толкаем друг друга, как школьники, когда учитель скажет им: класс кончен!

– Где же вы были до сих пор и что вы делали? Не сидели ли вы в горе с того самого дня, как голубь принес Ною масличную ветвь[7], как знак, что воды снова скрылись в землю.

– О нет, нет, нет! – залепетали волны, перебивая друг друга, и каждая из них так спешила рассказать свою историю, что я не мог разобрать ни слова.

Я наклонился к источнику, зачерпнул горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь

пальцы каплю за каплей, выслушивал их поодиночке. Какие дивные историйки они порассказали мне!

– Мы, – сказали мне две капли, – были снежинками в прошедшую зиму и, лежа там на горе, весело сверкали на солнце, пока оно весною не растопило нас.

– Мы были двумя градинками, – залепетали другие капли, – и, увы, согрешили: положили на землю тяжелый колос.

– А мы были двумя росинками и напоили жаждущий ландыш, – сказали две новые капли.

– Мы носили корабли на море; мы утолили жажду жаждущего и спасли ему жизнь; мы вертели мельничное колесо; нас вспенивал пароход, мы были сладким соком в вишнях, мы – вкусным вином, мы – лекарством, мы – ядом, мы – молоком… – звенели одна за другой прозрачные капли, скатываясь, как перлы[8], с моих пальцев.

Одна светлая капелька повисла у меня на пальце.

– Я была когда-то слезою, – прошептала она.

– Я – каплею пота, – сказала вслед за ней другая, падая на землю.

– А я уже была в твоем сердце, – прозвенела третья, – была теплой капелькой крови, а потом, когда ты дохнул, я вы летела паром и понеслась к облакам.

Я видел, что этим историям конца не будет, и стряхнул обратно в реку остальные капли, не слушая их болтовни.

Мне хотелось пристыдить хвастливый ручей, и я сказал ему:

– Расскажи-ка лучше, что ты видел нового в своей горе?

«Чему там быть новому? – думал я про себя. – Камни лежат неподвижно от создания мира и будут лежать там вечно, разве человек выкопает их и построит из них дома». Но как же я удивился, когда ручей стал мне говорить самые диковинные вещи.

– Каждая капелька, – говорит он, – побывши дождем или снегом, градом или росою, проникает в землю и работает в ней изо всех сил, не хуже ваших рудокопов: роет для себя самые затейливые ходы и переходы. Если тебе в детстве рассказывали сказки о подземных горных духах и карлах, которые будто бы живут внутри гор и охраняют там металлы и камни, прилежно работая над ними день и ночь, то знай, что эти карлы и духи – мы, маленькие капли воды. Мы кажемся тебе малы и бессильны; но ты видишь, как нас много, и, верно, слыхал, что капля, падая за каплей, пробивает и твердый камень. Пробегая между каменными слоями гор, каждая из нас уносит неприметную для твоих глаз частичку той или другой каменной породы. Скоро тяжелая ноша становится не под силу маленькой капле, и она оставляет свой кусочек камня или металла где-нибудь совсем в другом месте. Так строим мы из извести и гипса блестящие красивые кристаллы. Так же мы заносим с собой то красный кусочек железной охры, то зеленый и голубой кусочек медного купороса и раскрашиваем ими другие каменья. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры… О, да и пещеру-то эту сделали мы же! Она прежде вся была набита солью; но миллионы водяных капель выпили эту соль и унесли ее куда-нибудь в другое место, может быть, в море, где вода, как ты знаешь, такая соленая. В такой пещере нам привольно работать: звучно падаем мы с потолка и, оставляя на нем приносимые нами кусочки камня, строим самые диковинные вещи, похожие

на ваши церкви и башни. Ты видел, вероятно, как зимою, растаивая на солнышке и стекая с крыши, превращаемся мы от холода в длинные прозрачные сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту; только там мы работаем сосульки не из воды, а из известки (сталактиты); сами же уходим дальше. На дне пещер собираются капли в подземные озера; потом выбегают оттуда в расселины скал и прыгают шумными водопадами со скалы на скалу. К нам прибегает иногда напиться горная саламандра, небольшое длинненькое животное, бледное и слепое; вам скучно в этих пещерах без солнца, а оно боится, как смерти, солнечных лучей. Если на дороге попадается на горе кусок дерева, мы начнем хлопотать изо всех сил: каждую клеточку наполним кремнем или известкой, древесину же разломаем и унесем прочь – словом, сделаем то, что вы называете окаменелым деревом, но называете совершенно несправедливо, потому что там дерева нет ни крошки, а все один чистый камень: от дерева осталась одна только форма. И сколько нам было хлопот, чтобы выделать из камня каждую жилку, каждую ячейку!

В это самое время набежала новая волна и начала мне рассказывать другую историю: она говорила, как водяные капли мало-помалу подрывали целую гору в Швейцарии, так что она со всеми своими тяжелыми камнями, с землею, покрывавшей эти камни, и с деревьями, которые росли на земле, рухнула в долину и засыпала четыре деревни с людьми и животными. Но я прервал печальный рассказ и сказал волнам, что не люблю слушать о делах разрушений и гибели.

– Расскажи-ка мне лучше, – спросил я снова у ручья, – что-нибудь другое. Если твои капли внутри горы так много едят и пьют, так много разрушают и строят, то нет сомнения, что и твоя светлая вода, сквозь которую я так ясно вижу и маленький камешек, и крошечную блестящую рыбку, совсем не так чиста, как кажется с виду?

– Легко, очень легко может случиться, – отвечал ручей, – что тот или другой из моих маленьких работников унес с собою то тот, то другой материал.

– Но какие же материалы, куда и зачем несут твои хлопотливые работники? – спросил я у ручья.

– Мы несем известку, – отвечали одни капельки, – нас уже давно ждут миллионы маленьких морских животных: улиток, полипов, морских звезд, которым нужно строить себе жилище, и крепкие кораллы, а для кораллов нужно много известки, потому что из кораллов делаются целые острова в океане.

– Мы несем кремнезём, – пролепетали другие капли, – множество инфузорий и растений ждут нас давно; даже травка на берегу и та просит, чтобы мы дали ей частичку.

– Мы несем воздух в маленьких незаметных пузырьках, – звенели новые капли, – воздух, без которого не могли бы дышать в воде ни рыбки, ни другие водяные животные.

– Мы несем угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки, мы – гипс; мы – железо; мы – фарфор; мы – множество соли, которая нужна бесчисленным растениям, животным и даже вам, людям. Не вы ли приходите лечиться к нам и рады-радехоньки, когда почуете, что в нас есть или сера, или железо, или какой-нибудь другой минерал, который вам помогает в болезнях? Тогда вы величаете нас минеральными ключами, целебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходим к вам, нагревшись прежде у подземного огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете от сору, устраиваете для нас красивые бассейны, строите возле нас богатые дома, ванны, гостиницы, целые города! Неужели ты ничего не слыхал о Баден-Бадене, Эмсе, Пятигорске, Кисловодске или других каких-нибудь местах, прославленных

нашими целебными источниками?

– О, не думай, что мы ничего не делаем, – зажурчали все капли вместе. – Напротив, мы никогда не знаем покоя и трудолюбивее муравьев, которые вечно строят свое жилище, вечно суетятся, бегают и таскают кусочки соломы втрое больше себя. Наработавшись вволю и в облаках, и в траве, и в листьях, которые мы так освежаем, напоив растения, животных и людей, мы спешим в ручей, а по дороге вертим мельничные колеса и носим лодки, из ручья бежим в реку, из рек в широкое безбрежное море; тут-то, кажется, можно нам было отдохнуть и успокоиться, но лучи солнышка пригреют нас и превратят в легкий туман. Поднявшись высоко, мы станем облаками и понесемся по небу, пока не найдем места, где снова ожидает нас работа. Мы работаем без устали и не скучаем: нам весело, что мы принимаем такое деятельное участие в божьем мире и поим неисчислимые миллионы растений, животных и людей.

Четыре желания

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замерзшей реке, прибежал домой румяный, веселый и говорит отцу:

– Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы все зима была!

– Запиши твое желание в мою карманную книжку, – сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пестрыми бабочками по зеленому лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

– Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы все весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать свое желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу:

– Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было!

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды – румяные яблоки и желтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

– Осень лучше всех времен года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

Зима

Зимою солнышко хоть и светит, но мало греет. Оно не долго остается на небе. Зимние дни гораздо короче летних, а ночи длиннее. В России зимы продолжаются долго и бывают иногда очень холодны. Реки и озера замерзают так, что по льду можно ходить и ездить. Земля покрывается толстым слоем снега. Снег очень полезен, потому что под ним и в сильные морозы сохраняются невредимые семена трав, цветов и хлебов. Без снега семена могли бы

вымерзнуть.

Лист еще в конце осени опадает с деревьев, и березовая или дубовая роща, тенистая летом, к зиме становится прозрачной. На голых сучьях вместо листьев развешиваются хлопья мягкого, белого снега. Одни только ели и сосны зелены и зимой. На них всю зиму остаются зеленые иголки, или *хвои.* Деревья с хвоями вместо листьев называются *хвойными.* Деревья, одетые листьями, – *лиственными.*

Зимой гораздо менее птиц в лесах и зверей на полях, а насекомые совсем исчезают. Иные из них погибают, оставляя яички, другие забираются глубоко в землю, как, например, муравьи. Некоторые насекомые засыпают на всю зиму и просыпаются только весной, когда земля оттает. Многие птицы улетают на зиму в теплые края, иногда за тысячи верст. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки, соловьи покидают нас еще с осени. Дикие гуси, утки, лебеди еще с осени тянутся по небу с севера на юг длинными вереницами. Они очень хорошо чувствуют, что чем южнее, тем теплее, и ищут таких стран, где не бывает зимы. Таких птиц называют *перелетными.* Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуют с нами и потому называются *зимующими.* Остаются также и воробьи в своих теплых гнездах; но и те зимой прыгают не так весело, как летом.

Звери большей частью также скрываются на зиму в берлоги, норы и дупла деревьев. Иные засыпают на самое холодное время, как, например: еж, медведь, байбак, сурок. Но белка не засыпает, она приберегла себе с осени хороший запас орехов в дупле дерева и грызет их целую зиму. Животные, засыпающие на зиму, называются *зимоспящими.* Домашние животные – лошади, коровы и овцы – погибли бы зимой от голода и холода, если бы человек не выстроил для них теплых хлевов и конюшен и не приготовил сена и овса.

При наступлении зимы человек старается устроиться по-зимнему. Он вставляет двойные рамы в окна, сильно топит печи, надевает теплое платье, прячет колесные экипажи до весны и выдвигает из сарая сани. Зимняя дорога гораздо легче летней, и потому зимой по всем дорогам тянутся большие обозы с различными тяжелыми товарами. Почтовая тройка весело бежит, побрякивая колокольчиком; даже деревенская кляча – и та зимой прибавляет шагу. Сани легко, со скрипом, скользят по снегу. Полевые работы прекращаются еще осенью. Но крестьяне без работы не остаются и зимой. Когда они перемолотят хлеб, то идут на заработки: нанимаются на *фабрики* или пускаются в извоз. Женщины зимой прядут и ткут. Вот почему крестьяне так весело похлопывают рукавицами, когда первый снег закроет кочки и лужи и ляжет гладким первопутком. Мальчики тоже рады первому снегу. Пришла для них пора играть в снежки, лепить баб, кататься на салазках и на коньках. Свечей в домах и лучины в избах горит зимой гораздо более, чем летом.

Весело зимой, особенно когда солнышко светит ярко, на снежных полях блестят миллионы искр, а деревья точно убраны дорогим хрусталем. Но весело зимой только тому, у кого есть теплый дом и теплое платье, кто в сильную стужу может сидеть дома перед ярко пылающим огоньком печи и спокойно ждать сытного ужина и теплой постели. Но каково бедному, седому старику, нищему? Несмотря на стужу, должен он таскаться под окнами и ради Христа выпрашивать себе куска хлеба. На старике нет теплого тулупа, лапти его худы, армяк весь в дырах; голос его дрожит от старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Нехорошо и мальчику, который ведет слепого старика; бедняга перескакивает с ноги на ногу, дует себе в окоченевшие пальцы, а сильный холод выжимает у него слезы из глаз. Пустите их обогреться, накормите и подайте им что можете. Лучше отказаться от новой игрушки или каких-нибудь сладостей и подать милостыню бедняку.

Но не всегда же зимой светлые дни: бывают и метели. Когда подымется вьюга, то сильный

ветер несет хлопья снега и, свистя и завывая, крутит его в воздухе. В иную метель, как говорится, *зги не видно,* в десяти шагах нельзя различить человека, и нет ничего легче, как сбиться с дороги в такую непогодь. Не беда еще, если нет сильного мороза и путешественник успеет забиться в сугроб снега, – под снегом тепло. Но если вьюга и мороз, тогда немудрено и замерзнуть. Как отрадно в такую погоду добраться до деревни. Хотя ее и занесло снегом, хотя избы в ней черны, но зато в них тепло. Добрый крестьянин радушно встречает иззябшего, нежданного гостя и угощает его чем Бог послал. У нас нередко зимою замерзают бедные люди или отмораживают себе носы, уши, руки и ноги. Самые сильные *трескучие* морозы бывают обыкновенно посреди зимы, около крещенья[9], почему их и называют *крещенскими.* Большие морозы трескучими называют потому, что от них иногда лопаются и трещат бревна в стенах домов. В такой холод, говорят, даже птицы замерзают в воздухе и падают на землю. Зиму, в которой много бывает сильных морозов, крестьяне зовут *лютой,* то есть очень злой.

Весна

День начинает заметно прибавляться еще с половины января; а к 9-му марта он займет уже половину суток. Начало весны потому и считается с 9-го марта. Солнце весною не только дольше остается на небе, но и греет с каждым днем заметно сильнее.

Снег начинает мало-помалу таять, и вода ручейками сбегает с земли в реки и озера. Скоро и лед на реках уступает влиянию лучей солнца. По берегам рек появляются большие полыньи. Пройдет еще с неделю – и весь лед подымется прибывающей водою, почернеет, начнет ломаться, и рыхлые льдины понесутся по течению реки. Воды в реке в это время прибывает столько, что она не может поместиться в берегах: выступает и разливается по окрестным лугам. Разлив рек зовут *водополье́м.* Иная речонка такая маленькая, что летом ее переходили вброд, в водополье разливается на пять, на шесть верст и более. Наша Волга-матушка, в которую вливаются тысячи рек и речонок, расстилается весною, словно море. Люди спешат воспользоваться недолгим богатством воды, и большие барки, нагруженные товарами, ходят весною там, где летом чуть не бродят куры.

На полях появляются сначала *проталины;* но скоро земля, мокрая, пропитанная водою, повсюду показывается из-под снега. Пройдет еще неделя, другая – и снег останется разве где-нибудь в глубоком овраге, куда не заглядывает солнце. Небо становится все синее, а воздух все теплее.

Еще не весь снег сойдет, когда там и сям начнет уже показываться, возле старой пожелтевшей травы, новая, ярко-зеленая травка. На полях, где крестьяне еще с осени засеяли рожь или пшеницу, подымается и зеленеет *озимь,* словно зеленый бархат. Вместе с травой появляются и первые цветы. Голубенький подснежник пробивается в лесах из-под прошлогоднего листа. Появляется кое-где и желтый одуванчик, тот самый, что со временем наденет свою пушистую белую шапочку, круглую, как шар, и до того легкую, что стоит только на нее дунуть – и она вся разлетится. Деревья также пробуждаются от зимнего сна и, разогретые солнышком, наполняются соками. Если прорубить в это время кору березы или клена, то из-под нее закаплет сладкий и душистый сок.

Почки листьев подготовлены деревом еще с осени. Всю зиму оставались они в одном положении и были едва заметны; теперь же они начинают быстро наливаться, расти, скидать свою коричневую шелуху и развертываться в зеленые листья. На вербе появляются пушистые цветы, или барашки. Вы, вероятно, заметили их на вербовых ветках в вербное воскресенье[10]? Потом появляются чуть заметные, липкие и душистые листья березы. Прошло еще дней десять – и кудрявая, ярко-зеленая березка, с белым, опрятным стволом своим, стоит разубранная, будто на праздник: веселая, яркая, душистая. За березой спешит распуститься липа, ольха,

дуб. *Лапчатые* листья клена не заставляют долго ждать себя. Кустарники и деревья друг перед другом спешат принарядиться на праздник весны. Сначала зелень на деревьях кажется жидкой, потому что листочки еще малы, да и сквозь зеленую яркую траву кое-где просвечивает еще черная земля. Но листочки и трава растут быстро – к маю все зазеленеет: рощи снова станут непроглядными, а на полях запестреют тысячи цветов. Зимой царствует однобразие: все один и тот же снег. Но весной каждый день появляется что-нибудь новое: то проглянет голубенький глазок незабудки; то развернется благоухающая чашечка ландыша, а еще вчера ее не было; то заблестят в зелени беленькие цветочки земляники, из которых к концу весны выйдут сочные, красные ягоды. Вишни, яблони, груши покрываются белыми и бело-розовыми цветами. Все празднует весну, все цветет и благоухает.

Не везде весна начинается в одно и то же время. Чем южнее, тем и весна становится раньше. В *Крыму* уже в феврале рвут цветы, а в *Архангельске* и в апреле можно отморозить нос.

Птиц, вместе с весной, появляется множество. Первые прилетают грачи и криком своим напоминают, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9 марта. Но вот и жаворонок, поднявшись высоко в воздухе, запел свою звучную песню. Быстрые, острокрылые ласточки прилетают несколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикие голуби, кукушки появляются одни за другими и населяют поля, леса и рощи, недавно еще безмолвные.

Высоко в воздухе тянутся с юга на север стаи журавлей, диких уток, гусей и лебедей. Скоро и соловей начнет свою звонкую песню. Одни из этих птиц, дикие гуси, журавли, лебеди, летят далее; другие остаются у нас на все лето; те, которые остаются, принимаются вить гнезда: носятся, кричат, трудятся, собирают сухие веточки, солому, мох, траву.

Хлопотливые муравьи, пестрые бабочки, неуклюжие жуки, а потом несносные комары и мошки, тысячи самых разнообразных, летающих и ползающих насекомых выходят на свет Божий. Трудолюбивая пчелка, проспавшая долгую зиму в теплом улье, просыпается, покидает свою восковую келью и летит собирать сладкий мед с цветов.

В зверином царстве заметно меньше перемен. Диких зверей вообще можно видеть редко. Но зато нельзя не видеть, как рад весне домашний скот. Простояв долгую зиму в хлевах, лошади, коровы, овцы весело выбегают в поле, и пастуху не приходится долго вызывать их из дома своей длинной трубой.

Рады люди первому снегу, но рады еще более первым цветам. Всякое время года приносит свои удовольствия и свои заботы. Двойные рамы вынимают в домах; свежий воздух и яркий свет врываются в комнату. Звуки с улицы, которых целые полгода не было слышно за двойными стеклами, раздаются громко. А для крестьян сколько предстоит работы! Но они работы не боятся. За зиму хлеб, овес, сено и даже солома – все переведется: одно на пищу людям, другое на корм скоту. Надобно приниматься за работу, чтобы было что есть к будущей осени и зиме.

Исправляет крестьянин телегу, *ладит борону* и соху и, когда земля немного пообогреется и пообсохнет, едет в поле. Он пашет, боронит поле и сеет на нем *яровое,* что должно быть посеяно и собрано в одном и том же году: овес, гречиху, ячмень, просо. В огородах копают гряды, садят картофель, лук, горох, бобы, капусту; сеют коноплю, свеклу, морковь, репу. В столицах люди достаточные переезжают на дачи, где садовники устраивают клумбы, садят и сеют цветы. Радуется весне и бедняк: слава Богу – стало теплее! Божье солнышко светит для всех даром, для всех одинаково; дров нужно меньше, и худое платье сноснее.

Лето

В начале лета бывают самые долгие дни. Часов двенадцать солнце не сходит с неба, и вечерняя заря еще не успевает погаснуть на западе, как на востоке показывается уже беловатая полоска – признак приближающегося утра. И чем ближе к северу, тем дни летом длиннее и ночи короче.

Высоко-высоко подымается солнышко летом, не то что зимой; еще немного повыше, и оно стало бы прямо над головой. Почти *отвесные* лучи его сильно греют, а к полудню даже и жгут немилосердно. Вот подходит полдень; солнце взобралось высоко на прозрачный голубой свод неба. Только кое-где, как легкие серебряные черточки, видны *перистые* облачка – предвестники постоянной хорошей погоды, или вёдра, как говорят крестьяне. Выше уже солнце идти не может и с этой точки станет спускаться к западу. Точка, откуда солнце начинает уже склоняться, называется *полднем.* Станьте лицом к полудню, и та сторона, куда вы смотрите, будет юг, налево, откуда поднялось солнце, – восток, направо, куда оно клонится, – запад, а позади вас – север, где солнце никогда не бывает.

В полдень не только на самое солнце невозможно взглянуть без сильной, жгучей боли в глазах, но трудно даже смотреть на блестящее небо и землю, на все, что освещено солнцем. И небо, и поля, и воздух залиты горячим, ярким светом, и глаз невольно ищет зелени и прохлады. Уж слишком тепло! Над отдыхающими полями (теми, на которых ничего не посеяно в этом году) струится легкий пар. Это теплый воздух, наполненный испарениями: струясь, как вода, подымается он от сильно нагретой земли. Вот почему наши умные крестьяне и говорят о таких полях, что они *отдыхают под паром.* На дереве не шелохнется, и листья, будто утомленные жаром, повисли. Птицы попрятались в лесной глуши; домашний скот перестает пастись и ищет прохлады; человек, облитый потом и чувствуя сильное изнеможение, оставляет работу: все ждет, когда спадет жар. Но для хлеба, для сена, для деревьев необходимы эти жары.

Однако ж долгая засуха вредна для растений, которые любят тепло, но любят и влагу; тяжела она и для людей. Вот почему люди радуются, когда набегут грозовые тучи, грянет гром, засверкает молния и освежительный дождь напоит жаждущую землю. Только бы дождь не был с градом, что иногда случается среди самого жаркого лета: град губителен для поспевающих хлебов и *лоском* кладет иное поле. Крестьяне усердно молят Бога, чтобы града не было.

Все, что начала весна, доканчивает лето. Листья вырастают во всю свою величину, и, недавно еще прозрачная, роща делается непроглядным жилищем тысячи птиц. На *заливных* лугах густая, высокая трава волнуется, как море. В ней шевелится и жужжит целый мир насекомых. Деревья в садах отцвели. Ярко-красная вишня и темно-малиновая слива уже мелькают между зеленью; яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но в тиши зреют и наливаются. Одна липа еще в цвету и благоухает. В ее густой листве, между ее чуть белеющими, но душистыми цветочками, слышен стройный, невидимый хор. Это работают с песнями тысячи веселых пчелок на медовых, благоухающих цветочках липы. Подойдите ближе к поющему дереву: даже пахнет от него медом!

Ранние цветы уже отцвели и заготовляют семена, другие еще в полном цвету. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинает желтеть, волнуясь, как море, под напором легкого ветра. Гречиха в цвету, и нивы, засеянные ею, будто покрыты белой пеленой с розоватым оттенком; с них несется тот же приятный медовый запах, которым приманивает пчел цветущая липа.

А сколько ягод, грибов! Словно красный *коралл,* рдеет в траве сочная земляника; на кустах развесились прозрачные сережки смородины… Но возможно ли перечислить все, что появляется летом? Одно зреет за другим, одно догоняет другое.

И птице, и зверю, и насекомому летом раздолье! Вот уже и молоденькие птички пищат в гнездах. Но пока еще у них подрастут крылья, заботливые родители с веселым криком снуют в воздухе, отыскивая корм для своих птенцов. Малютки давно уже высовывают из гнезда свои тоненькие, еще худо оперившиеся шейки и, раскрыв носики, ждут подачки. И корму довольно для птиц: та подымает оброненное колосом зерно, другая и сама потреплет зреющую ветку конопли или почнет сочную вишню; третья гонится за мошками, а они кучами толкутся в воздухе. Зоркий ястреб, широко распустив свои длинные крылья, реет высоко в воздухе, зорко высматривая цыпленка или другую какую-нибудь молоденькую, неопытную птичку, отбившуюся от матери, – завидит и, как стрела, пустится он на бедняжку: не миновать ей жадных когтей *хищной, плотоядной* птицы. Старые гуси, гордо вытянув свои длинные шеи, громко гогочут и ведут на воду своих маленьких деток, пушистых, как весенние барашки на вербах, и желтых, как яичный желток.

Мохнатая, разноцветная гусеница волнуется на своих многочисленных ножках и гложет листья и плоды. Пестрых бабочек порхает уже много. Золотистая пчелка без устали работает на липе, на гречихе, на душистом, сладком клевере, на множестве разнообразных цветов, доставая всюду то, что ей нужно для изготовления ее хитрых, душистых сотов. Неумолкающий гул стоит в пасеках (пчельниках). Скоро пчелкам станет тесно в ульях, и они начнут *роиться:* разделяться на новые трудолюбивые царства, из которых одно останется дома, а другое полетит искать нового жилья где-нибудь в дуплистом дереве. Но пасечник перехватит рой на дороге и посадит его в давно приготовленный для него новенький улей. Муравей уже много настроил новых подземных галерей; запасливая хозяйка белка уже начинает таскать в свое дупло поспевающие орехи. Всем приволье, всем раздолье!

Много, много летом работы крестьянину! Вот он вспахал озимые поля[11] и приготовил к осени мягкую колыбельку хлебному зерну. Еще не успел он кончить пахоты, как уже настает пора косить. Косари, в белых рубахах, с блестящими и звенящими косами в руках, выходят на луга и дружно подкашивают под корень высокую, уже *осеменившуюся* траву. Острые косы блестят на солнце и звенят под ударами набитой песком лопатки. Женщины также дружно работают граблями и сваливают уже подсохшее сено в копны. Приятный звон кос и дружные, звонкие песни несутся повсюду с лугов. Вот уже строятся и высокие круглые стога. Мальчики валяются в сене и, толкая друг друга, заливаются звонким смехом; а мохнатая лошаденка, вся засыпанная сеном, едва волочит на веревке тяжелую копну.

Не успел отойти сенокос – начинается жатва. Рожь, кормилица русского человека, поспела. Отяжелевший от множества зерен и пожелтевший колос сильно понагнулся к земле; если еще его оставить на поле, то зерно станет сыпаться, и пропадет без пользы Божий дар. Бросают косы, принимаются за серпы. Весело смотреть, как, рассыпавшись по ниве и нагнувшись к самой земле, стройные ряды жнецов *валят под корень рожь высокую,* кладут ее в красивые, тяжелые снопы. Пройдет недели две такой работы, и на ниве, где еще недавно волновалась высокая рожь, будет повсюду торчать срезанная солома. Зато на сжатой полосе рядами станут высокие, золотистые копны хлеба.

Не успели убрать ржи, как пришла уже пора приниматься за золотистую пшеницу, за ячмень, за овес; а там, смотришь, уже покраснела гречиха и просит косы. Пора дергать лен: он совсем ложится. Вот и конопля готова; воробьи стаями хлопочут над ней, доставая *маслянистое зерно.* Пора копать и картофель, и яблоки давно уже валятся в высокую траву. Все спеет, все зреет, все надобно убрать вовремя; даже и длинного летнего дня не хватает!

Поздно вечером возвращаются люди с работы. Они устали; но их веселые, звонкие песни раздаются громко по вечерней заре. Утром вместе с солнышком крестьяне опять примутся за работу; а солнышко летом встает куда как рано!

Отчего же так весел крестьянин летом, когда работы у него так много? И работа не легкая. Нужна большая привычка, чтобы промахать целый день тяжелой косой, срезывая каждый раз добрую охапку травы, да и с привычкой много еще нужно прилежания и терпения. Нелегко и жать под палящими лучами солнца, нагнувшись до самой земли, обливаясь потом, задыхаясь от жары и усталости. Посмотрите на бедную крестьянку, как она своей грязной, но честной рукой отирает крупные капли пота с разгоревшегося лица. Ей даже некогда покормить своего ребенка, хотя он тут же на поле барахтается в своей люльке, висящей на трех кольях, воткнутых в землю. Маленькая сестра крикуна сама еще ребенок и недавно начала ходить, но и та не без дела: в грязной, изорванной рубашонке сидит она на корточках у люльки и старается закачать своего расходившегося братишку.

Но почему же весел крестьянин летом, когда работы у него так много и работа его так трудна? О, на это есть много причин! *Во-первых,* крестьянин работы не боится: он вырос в трудах. *Во-вторых,* он знает, что летняя работа кормит его целый год и что надо пользоваться вёдром, когда Бог дает его; а не то – можно остаться без хлеба. *В-третьих,* крестьянин чувствует, что его трудами кормится не одна его семья, а весь мир: и я, и вы, и все разодетые господа, хотя иные из них и с презреньем посматривают на крестьянина. Он, копаясь в земле, кормит всех своею тихой, не блестящей работою, как корни дерева кормят гордые вершины, одетые зелеными листьями.

Много прилежания и терпения нужно для крестьянских работ, но немало также требуется знаний и опыта. Попробуйте жать, и вы увидите, что на это надобно много уменья. Если же кто без привычки возьмет косу, то не много с нею наработает. Сметать хороший стог сена – тоже дело не легкое; пахать надо умеючи, а чтобы хорошо посеять – ровно, не гуще и не реже того, чем следует, – то даже не всякий крестьянин за это возьмется. Кроме того, нужно знать, когда и что делать, как сладить соху и борону[12], как из конопли, например, сделать пеньку, из пеньки нитки, а из ниток соткать холст… О, много, очень много знает и умеет делать крестьянин, и его никак нельзя назвать невеждой, хотя бы он и читать не умел! Выучиться читать и выучиться многим наукам гораздо легче, чем выучиться всему, что должен знать хороший и опытный крестьянин.

Сладко засыпает крестьянин после тяжких трудов, чувствуя, что он выполнил свой святой долг. Да и умирать ему нетрудно: обработанная им нива и еще засеянное им поле остаются его детям, которых он вспоил, вскормил, приучил к труду и вместо себя поставил работниками перед людьми.

Осень

Уже с 9 июля начинает понемногу убавляться день и прибавляться ночь. 11 сентября день снова равен ночи[13]. Это день осеннего равноденствия и начало осени. С этого числа ночь все увеличивается и к 12 декабря[14] становится втрое длиннее дня. В это время солнце едва покажется на небе и спешит спрятаться; в 9 часов утра еще темно; в 3 часа после обеда надобно уже зажигать свечи.

Облака почти не сходят с неба, и это уже не красивые летние облака, громоздящиеся серебряными горами или высоко бегущие по небу серебристыми барашками: небо застилается все ровной пеленой свинцоватого цвета. С конца августа в воздухе начинает холодеть. Свежесть замечается особенно по утрам, а в сентябре появляются иногда и легкие морозы. Просыпаясь поутру, вы видите, как побелела трава или крыша соседнего дома. Еще немного – и лужи, которых осенью довольно везде, начинают по ночам замерзать.

Мелкие осенние дождики совсем непохожи на летние грозовые дожди: они идут беспрестанно,

и земля уже не просыхает скоро, как бывало летом. Ветер дует без устали, далеко разнося созревшие семена деревьев и трав и доставляя мальчику удовольствие высоко запустить бумажного змея.

Лист на деревьях начинает кое-где желтеть еще в конце августа; в сентябре вы замечаете, как на березе, все еще зеленой, появляются там и сям совершенно желтые, золотистые ветки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла их мимоходом. Первая распустилась береза, она же первая начинает желтеть. С каждым днем все больше и больше становится желтых листьев. Еще два-три дня – и трепетная осина стоит вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенний ветер срывает и это последнее убранство: крутя в воздухе легкие, высохшие листья, устилает ими мокрую землю.

Поля мало-помалу пустеют, даже копны хлеба уже свезены, и только высокие стога сена, обнесенные плетнем, остаются зимовать на лугах. Цветы исчезли, и пожелтевшая, перезревшая трава, где ее оставили, клонится к земле и как будто просит снега. Одна только озимь подымается ровным, зеленым бархатом. Но этим молодым, запоздавшим побегам суждено скоро погибнуть. Зато корешки хлебов сохранятся невредимо под снегом и весной выглянут снова на Божий свет зелеными стебельками.

Все глохнет, пустеет, темнеет, теряет яркие цвета лета и приобретает однообразный, грязноватый, серый вид осени. В это время природа похожа на усталого, много поработавшего человека, которого одолевает сон. Еще пройдет несколько дней, и она, закрывшись пушистым белым одеялом, заснет на целую зиму.

Отлетные птицы одни за другими собираются в дальний путь. Первые подымают тревогу ласточки, и еще в конце августа они вдруг исчезают; они чувствуют приближение осени, и ранний отлет этих птичек предсказывает раннюю зиму. Потом потянутся с севера на юг длинные *вереницы* журавлей, уток и гусей. С криком, то длинной цепью, то углом, с передовым впереди, улетают от нас летние гости. Леса редеют, затихают и пустеют; только тяжелая мокрая ворона каркает, усаживаясь на обнаженную ветку, да галки с отчаянным криком носятся стаями.

Вот уж и деревья стоят все голые, только на рябине висят ее красные *гроздья*, дожидаясь мороза. Пусто, глухо и в полях и в лесах. Земля, почернелая, грязная, пропитанная дождем, смотрит уныло под свинцовым небом: хоть бы снег поскорее закрыл ее неприятную наготу. Появляется и снег; но долго еще он не может удержаться и, оставшись иногда на несколько часов, снова исчезает.

Работы у крестьянина осенью заметно убывает; но все же он не остается без дела. В начале осени нужно пахать и боронить и засевать озимые поля; потом надо свозить хлеб с полей в риги; телеги, спрятавшиеся под тяжелыми снопами, скрипят по всем дорожкам. Свезши хлеб, надобно его сушить в овине, а потом молотить. Удары молотильных цепов с раннего утра до позднего вечера слышатся осенью на гумнах. Намолотивши зерна, крестьянин складывает его в мешки и спешит на мельницу. Если же он не молотит и не сидит на мельнице, дожидаясь очереди, то, наверное, с топором в руках, поправляет что-нибудь около своей избы. Женщины мочат и потом треплют коноплю, чешут лен и приготовляют себе прядево на долгие зимние вечера.

Но все же осенью работы, сравнительно с летом, гораздо менее, и крестьянин спешит повеселиться. Осенью праздников много: крестьянские свадьбы устраиваются всегда в эту пору года, когда дела меньше и всякого добра много. Везде варят пиво, и веселые, подгулявшие толпы ходят в гости из избы в избу, из деревни в деревню. Сильно поработал мужичок за лето:

надобно же ему отдохнуть и повеселиться.

В городах тоже заметна осень. Без зонтика, шинели и калош нельзя выглянуть на улицу. Сверху моросит мелкий, холодный дождик; с мокрых блестящих крыш каплет вода. Нога скользит по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшие заборы смотрят уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестах. Везде моют окна и вставляют двойные рамы. В комнатах становится темно и глухо. Уличного шума не слышно; а по вечерам свистит и завывает в трубах ветер, нагоняя тоску. Но зато осенью же начинаются в столицах и больших городах театры, концерты и собрания. Только все это идет как-то вяло, пока веселый снег не забелеет на улицах и не ляжет санная дорога. Тогда все проснется и зашевелится. Яркий огонек затрещит в печи, дым столбами подымается из труб, снег заблестит бриллиантовыми искорками, бодро побежит лошадка, сани заскрипят, разрумянится и лицо старика: весело покатится зимняя русская жизнь!

Проказы старухи зимы

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться: стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в теплые страны. Остался воробей, и тот под стреху[15] забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей. Запорошила снегом поле, завалила сугробами леса; одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с елки на елку перепрыгивают, потрескивают да пощелкивают, зверей пугают. Не испугалися звери: у одних шубы теплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызет; медведь в берлоге лапу сосет; заинька прыгаючи греется; а лошадки, коровки, овечки давным-давно в теплых хлевах готовое сено жуют, теплое пойло пьют.

Пуще злится зима – до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озерам, по рекам мосты строят. Замерзли реки и озера, да только сверху; а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей еще теплее.

«Ну, постой же, – думает зима, – дойму я людей», – и шлет мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери так, что бревна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой подсмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет он тулуп, валенки, рукавицы теплые, да как примется топором махать, даже пот прошибет. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит; извозчики ногами потапывают, рукавицами похлопывают, плечами передергивают, морозцы похваливают.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребятишки – и те ее не боятся! Катаются себе на коньках да на санках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают, да еще мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнет зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют; а мальчик схватит снега, давай тереть – и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять: заплакала со злости. Со стрех зимние слезы закапали… видно, весна недалеко!

Спор деревьев

Заспорили деревья промежду себя: кто из них лучше? Вот дуб говорит:

– Я всем деревам царь! Корень мой глубоко ушел, ствол в три обхвата, верхушка в небо смотрится; листья у меня вырезные, а сучья будто из железа вылиты. Я не кланяюсь бурям, не гнусь перед грозою.

Услышала яблоня, как дуб хвастает, и молвила:

– Не хвастай много, дубище, что ты велик и толст: зато растут на тебе одни желуди, свиньям на потеху; а мое-то румяное яблочко и на царском столе бывает.

Слушает сосенка, иглистой верхушкой качает.

– Погодите, – говорит, – похваляться; вот придет зима, и будете вы оба стоять голешеньки, а на мне все же останутся мои зеленые колючки; без меня в холодной стороне житья бы людям не было; я им и печки топлю, и избы строю.

Пчелки на разведках

Настала весна; солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали свежие, ярко-зеленые стебельки; почки на деревьях раскрывались и выпускали молоденькие листочки.

Вот проснулась и пчелка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко – разведать: ушел ли снег, и лед, и холодный северный ветер?

Видят пчелки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло; выбрались они из улья и полетели к яблоньке:

– Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для бедных пчелок? Мы целую зиму голодали!

– Нет, – говорит им яблонька. – Вы прилетели слишком рано: мои цветы еще спрятаны в почках. Попытайтесь у вишни.

Полетели пчелки к вишне:

– Милая вишенка! Нет ли у тебя цветочка для голодных пчелок?

– Наведайтесь, милочки, завтра, – отвечает им вишня. – Сегодня еще нет на мне ни одного открытого цветочка; а когда откроются, я буду рада гостям.

Полетели пчелки к тюльпану; заглянули в его пеструю головку; но не было в ней ни запаху, ни меду.

Печальные и голодные пчелки хотели уже домой лететь, как увидели под кустиком скромный темно-синий цветочек: это была фиалочка. Она открыла пчелкам свою чашечку, полную аромата и сладкого сока. Наелись, напились пчелки и полетели домой веселешеньки.

Дятел

Тук-тук-тук! В глухом лесу на сосне черный дятел плотничает. Лапками цепляется, хвостиком упирается, носом постукивает – мурашей[16] да козявок из-за коры выпугивает; кругом ствола обежит, никого не проглядит. Испугались мураши: «Эти-де порядки не хороши!» Со страху корячатся, за корою прячутся – не хотят вон идти. Тук-тук-тук! Черный дятел стучит носом, кору долбит, длинный язык в дыры запускает: мурашей, словно рыбку, таскает.

Лиса Патрикеевна

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое; ушки на макушке, хвостик на отлете, шубка тепленькая. Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихо-тихонько, к земле пригибается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно; смотрит ласково, улыбается, зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие: много входов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки; мягкой травушкой полы выстланы.

Всем бы лисонька хороша была, хозяюшка, да разбойница лиса, постница: любит курочек, любит уточек, свернет шею гусю жирному, не помилует и кролика.

Жалобы зайки

Растужился, расплакался серенький зайка, под кустиком сидючи; плачет, приговаривает:

– Нет на свете доли хуже моей, серенького зайки! И кто только не точит зубов на меня! Охотники, собаки, волк, лиса и хищная птица: кривоносый ястреб, пучеглазая сова; даже глупая ворона и та таскает своими кривыми лапами моих милых детушек – сереньких зайчат. Отовсюду грозит мне беда; а защищаться-то нечем: лазить на дерево, как белка, я не могу; рыть нор, как кролик, не умею. Правда, зубки мои исправно грызут капустку и кору гложут, да укусить смелости не хватает. Бегать я таки мастер и прыгаю недурно; но хорошо, если придется бежать по ровному полю или на гору, а как под гору, то и пойдешь кувырком через голову: передние ноги не доросли.

Все бы еще можно жить на свете, если б не трусость негодная. Заслышишь шорох, уши подымутся, сердчишко забьется, невзвидишь света, пырскнешь из куста – да и угодишь прямо в тенета или охотнику под ноги.

Ох, плохо мне, серенькому зайке! Хитришь, по кустикам прячешься, по закочкам слоняешься, следы путаешь; а рано или поздно беды не миновать: и потащит меня кухарка на кухню за длинные уши.

Одно только и есть у меня утешение, что хвостик коротенький: собаке схватить не за что. Будь у меня такой хвостище, как у лисицы, куда бы мне с ним деваться? Тогда бы, кажется, пошел и утопился.

Пчелы и муха

Позднею осенью выдался славный денек, какие и весною на редкость: свинцовые тучи рассеялись, ветер улегся, солнце выглянуло и смотрело так ласково, как будто прощалось с

поблекшими растениями. Вызванные из улья светом и теплом, мохнатые пчелки, весело жужжа, перелетали с травки на травку не за медом (его уже негде было взять), а так себе, чтобы повеселиться и порасправить свои крылышки.

– Как вы глупы со своим весельем, – сказала им муха, которая тут же сидела на травке, пригорюнясь и опустив нос. – Разве вы не знаете, что это солнышко только на минуту и что, наверное, сегодня же начнется ветер, дождь, холод и нам всем придется пропасть.

– Зум-зум-зум! Зачем же пропадать? – отвечали мухе веселые пчелки. – Мы повеселимся, пока светит солнышко; а как наступит непогода, спрячемся в свой теплый улей, где у нас за лето много припасено меду.

Хлеб

Земля кормит человека, но кормит не даром. Много должны потрудиться люди, чтобы поле вместо травы, годной только для скота, дало рожь для черного хлеба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледелец пашет поле *сохою,* если не нужно пахать глубоко, или *плугом,* если пашет *новину,* или такое поле, что его пахать нужно глубже. Соха легче плуга, и в нее запрягают одну лошадку. Плуг гораздо тяжелее сохи, берет глубже, и в него впрягают несколько пар лошадей или волов.

Вспахано поле; все оно покрылось большими глыбами земли. Но этого еще мало. Если поле новое или земля сама по себе очень жирна, то *навоза* не надобно; но если на ниве что-нибудь уже было сеяно и она истощилась, то ее надобно удобрить навозом.

Навоз вывозят крестьяне на поле осенью или весною и разбрасывают кучками. Но в кучках навоз мало принесет пользы: надобно его запахать сохою в землю.

Вот навоз перегнил; но сеять все еще нельзя. Земля лежит комьями, а для зернушка надобно мягкую постельку. Выезжают крестьяне на поле с зубчатыми боронами: боронят, пока все комья разобьются, и тогда только начинают сеять.

Сеют или весною, или осенью. Осенью сеют *озимый* хлеб: рожь и озимую пшеницу. Весною сеют яровой хлеб: ячмень, овес, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходит еще с осени, и когда на лугах трава уже давно пожелтела, тогда озимые поля покрываются всходами, словно зеленым бархатом. Жалко смотреть, как падает снег на такое бархатное поле. Молодые листочки озими под снегом скоро вянут; но тем лучше растут корешки, кустятся и глубже идут в землю. Всю зиму просидит озимь под снегом, а весною, когда снег сойдет и солнышко пригреет, пустит новые стебельки, новые листки, крепче, здоровее прежних. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чем ляжет снег; тогда, пожалуй, озимь может вымерзнуть. Вот почему крестьяне боятся морозов без снега и не жалеют, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстым снежным одеялом.

Два плуга

Из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской были сделаны два плуга. Один из них попал в руки земледельца и немедленно пошел в работу; а другой долго и совершенно бесполезно провалялся в лавке купца. Случилось через несколько времени, что оба земляка опять встретились. Плуг, бывший у земледельца, блестел, как серебро, и был даже

еще лучше, чем в то время, когда он только что вышел из мастерской; плуг же, пролежавший без всякого дела в лавке, потемнел и покрылся ржавчиной.

– Скажи, пожалуйста, отчего ты так блестишь? – спросил заржавевший плуг у своего старого знакомца.

– От труда, мой милый, – отвечал тот. – А если ты заржавел и сделался хуже, чем был, то потому, что все это время ты пролежал на боку, ничего не делая.

Как рубашка в поле выросла

I

Видела Таня, как отец ее горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зерна, и спрашивает:

– Что ты, тятя, делаешь?

– А вот сею ленок, дочка; вырастет рубашка тебе и Васютке.

Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зеленою шелковистою травкой, и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!» Раза два мать и сестры Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке: «Славная у тебя рубашечка будет!» Прошло еще несколько недель; травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки. «У братца Васи такие глазки, – подумала Таня, – но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на место их показались зеленые головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сестры Тани повыдергали весь лен с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II

Когда лен просох, то стали у него головки отрезывать; а потом потопили в речке безголовые пучки и еще камнем сверху навалили, чтобы не всплыл.

Печально смотрела Таня, как ее рубашечку топят; а сестры тут ей опять сказали: «Славная у тебя, Таня, рубашка будет!»

Недели через две вынули лен из речки, просушили и стали колотить сначала доской на гумне, потом *трепалом*[17] на дворе, так что от бедного льна летела кострика[18] во все стороны. Вытрепавши, стали лен чесать железным гребнем, пока он сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» – опять сказали Тане сестры. Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? Это похоже на волоски Васи, а не на рубашку».

III

Настали длинные зимние вечера. Сестры Тани надели лен на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки! – думает Таня. – А где же рубашечка?»

Прошла зима, весна и лето, настала осень. Отец установил в избе кросна[19], натянул из них основу и начал ткать. Забегал проворно челночок между нитками, и тут уже Таня сама

увидала, как из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать; а весной расстилали его по траве на солнышке и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень[20].

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сестры рубашки шить и к Рождеству[21] надели на Таню и Васю новые, белые как снег рубашечки.

История одной яблоньки

1

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с нее кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зернышки. Одно только зернышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зернышко под снегом, а весной, когда солнышко отогрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из-промеж листочков выбежал стебелек с почкой, а из почки, наверху, вышли зеленые листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой – и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зернышко.

Пришел в лес садовник с заступом, увидал яблоньку и говорит:

– Вот хорошее деревцо; оно мне пригодится.

Задрожала яблонька, когда садовник стал ее выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенес ее в сад и посадил в хорошую землю.

2

Загордилась яблонька в саду. «Должно быть, я редкое дерево, – думает она, – когда меня из лесу в сад перенесли», и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками: не знала она, что попала в *школу.*

На другой год пришел садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать. Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зеленую верхушку деревца, оставил один пенек, да и тот еще расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепу колышками и ушел.

3

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой. Пьет веточка соки сильной яблоньки и растет быстро: выкидывает почку за почкой, листок за листком; выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой, и года через три зацвело деревцо бело-розовыми, душистыми цветами. Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зеленая завязь, а к осени из завязи сделались яблоки; да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые. И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от нее побеги для прищеп.

Спор животных

Корова, лошадь и собака заспорили между собою, кого из них хозяин больше любит.

– Конечно, меня, – говорит лошадь. – Я ему соху и борону таскаю, дрова из лесу вожу; сам он на мне в город ездит: пропал бы без меня совсем.

– Нет, хозяин любит больше меня, – говорит корова. – Я всю его семью молоком кормлю.

– Нет, меня, – ворчит собака, – я его добро стерегу.

Подслушал хозяин этот спор и говорит:

– Перестаньте спорить по-пустому: все вы мне нужны, и каждый из вас хорош на своем месте.

Лошадка

Конь храпит, ушами прядет, глазами поводит, удила грызет, шею, словно лебедь, гнет, копытом землю роет. Грива на шее волной, сзади хвост трубой, меж ушей – челка, на ногах – щетка; шерсть серебром отливает. Во рту удила, на спине седло, стремена золотые, подковки стальные.

Садись и пошел! За тридевять земель, в тридесятое царство!

Конь бежит, земля дрожит, изо рта пена, из ноздрей пар валит.

Коровка

Некрасива коровка, да молочко дает. Лоб у ней широк, уши в сторону; во рту зубов недочет, зато рожища большие; хребет – острием, хвост – помелом, бока оттопырились, копыта двойные. Она травушку рвет, жвачку жует, пойло пьет, мычит и ревет, хозяйку зовет: «Выходи, хозяюшка; выноси подойничек, чистый утиральничек! Я деточкам молочка принесла, густых сливочек».

Козел

Идет козел мохнатый, идет бородатый, рожищами помахивает, бородищей потряхивает, копытками постукивает: идет, блеет, коз и козляток зовет. А козочки с козлятками в сад ушли, травку щиплют, кору гложут, молодые прищепы портят, молоко деткам копят; а козлятки, малые ребятки, молочка насосались, на забор взобрались, рожками передрались.

Погоди, ужо придет бородатый хозяин, всем вам порядок даст!

Хавронья

Грязна наша хавроньюшка, грязна и обжорлива; все жрет, все мнет, об углы чешется, лужу найдет – как в перину прет, хрюкает, нежится.

Рыло у хавроньюшки не нарядное: в землю носом упирается, рот до ушей; а уши, словно тряпки, болтаются; на каждой ноге по четыре копыта, а ходит – спотыкается. Хвост у хавроньюшки винтом, хребет – горбом; на хребте щетина торчит. Жрет она за троих, толстеет за пятерых; зато ее хозяюшки холят, кормят, помоями поят; а вломится в огород – поленом прогонят.

Петушок с семьей

Ходит по двору петушок: на голове красный гребешок, под носом красная бородка. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесцом; на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

– Курочки-хохлатушки! Хлопотуньи-хозяюшки! Пестренькие-рябенькие! Черненькие-беленькие! Собирайтесь с цыплятками, с малыми ребятками: я вам зернышко припас!

Курочки с цыплятками собирались, раскудахталися; зернышком не поделились – передралися.

Петя-петушок беспорядков не любит – сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зернышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во все горло заорал:

– Ку-ку-ре-ку!

Бишка

– А ну-ка, Бишка, прочти, что в книжке написано!

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла.

– Не мое, – говорит, – дело книги читать; я дом стерегу, по ночам не сплю, лаю, воров да волков пугаю, на охоту хожу, зайку слежу, уточек ищу, поноску тащу – будет с меня и этого.

Васька

Котичек-коток – серенький лобок. Ласков Вася, да хитер, лапки бархатные, ноготок остер. У Васютки ушки чутки, усы длинны, шубка шелковая.

Ласкается кот, выгибается, хвостиком виляет, глазки закрывает, песенку поет, а попалась мышка – не прогневайся! Глазки-то большие, лапки что стальные, зубки-то кривые, когти выпускные!

Мышки

Собрались мышки у своей норки, старые и малые. Глазки у них черненькие, лапки у них маленькие, остренькие зубки, серенькие шубки, ушки кверху торчат, хвостища по земле волочатся.

Собралися мышки, подпольные воровки, думушку думают, совет держат: «Как бы нам, мышкам, сухарь в норку протащить?»

Ох, берегитесь, мышки! Ваш приятель Вася недалеко. Он вас очень любит, лапкой приголубит; хвостики вам помнет, шубочки вам порвет.

Бодливая корова (Из рассказов хуторянина)

Была у нас корова, да такая характерная, бодливая, что беда! Может быть, потому и молока у нее было мало.

Помучились с ней и мать и сестры. Бывало, прогонят в стадо, а она или домой в полдень придерет, или в житах очутится, – иди, выручай!

Особенно когда бывал у нее теленок, – удержу нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила, к теленку билась, а рога-то у нее были длинные да прямые. Уж не раз собирался отец ей рога отпилить, да как-то все откладывал, будто что предчувствовал старый.

А какая была увертливая да прыткая! Как поднимет хвост, опустит голову да махнет, так и на лошади не догонишь.

Вот раз, летом, прибежала она от пастуха еще задолго до вечеру, – было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре, девочке эдак лет двенадцати:

– Погони, Феня, их к речке, пусть на бережку попасутся, да смотри, чтоб в жито не затесались. До ночи еще далеко: что им тут без толку стоять!

Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись; а сама под вербой села и стала венок плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетет и песенку поет.

Слышит Феня: что-то в лозняке зашуршало; а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла.

Глядит Феня: что-то серое сквозь густой лозняк продирается, и покажись глупой девочке, что это наша собака, Серко. Известно, волк на собаку совсем похож; только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала.

Стала уже Феня собаку манить:

– Серко, Серко! – как смотрит: теленок, а за ним корова несутся прямо на нее как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать; теленок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревет, передними копытами землю роет, а рога-то прямо волку выставила.

Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет – голосу нет. А волк прямо на корову кинулся, да и отскочил: с первого разу, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмешь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку в корову вцепиться или теля отхватить, – только, куда ни кинется, везде рога ему навстречу.

Феня все еще не догадывается, в чем дело, хотела бежать, да корова не пускает, так и жмет к дереву.

Стала тут девочка кричать, на помощь звать:

– Ратуйте[22], кто в Бога вируе, ратуйте!

Наш казак орал[23] тут на взгорке, услышал, что и корова-то ревет, и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик.

Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться: такой он большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что орал тут же на поле.

Как завидел волк, что люди бегут, унялся, огрызнулся еще раз, два, завыл, да и в лозняк.

Феню казаки едва домой довели – так перепугалась девочка.

Порадовался тогда отец, что не отпилил корове рогов.

Чужое яичко (Из рассказов хуторянина)

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала темное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены 13 яиц, и усадила на них хохлатку. Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и поменьше прочих. Сидит курица прилежно, греет яички; сбегает поклевать зернышек, попить водицы – и опять на место; даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая: шипит, клохчет, даже петушку не дает подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в темном уголке делается. Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклевываться один за другим: проклюнет скорлупку носом, выскочит, отряхнется и станет бегать, ножками пыль разгребать, червячков искать.

Позже всех проклюнулся цыпленок из зеленоватого яичка. И какой же странный он вышел: кругленький, пушистый, желтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыпленок, – думает курица. – И клюет, и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается». Подивилась курица своему цыпленку, однако же какой ни на есть, а все сын. И любит, и бережет его курица, как и прочих; а если завидит ястреба, то, распустивши перья и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя всех своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче. Как только коротконогий цыпленок завидел воду, так прямо и кинулся в нее. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суетятся, пищат; и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянув шейку, и в первый раз в своей жизни заорал осиплым голосом: «Ку-ку-ре-ку!» Помогите, мол, добрые люди, братец тонет! Но братец не утонул, а превесело и легко, как клок хлопчатой бумаги, плавал себе по воде, загребая воду своими широкими, перепончатыми лапами. На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала:

– Ахти, грех какой! Видно, это я сослепу подложила утиное яйцо под курицу.

А курица так и рвалась к пруду: насилу могли отогнать бедную.

Гадюка (Из рассказов хуторянина)

Вокруг нашего хутора, по яругам[24] и мокрым местам, водилось немало змей.

Я не говорю об ужах: к безвредному ужу у нас так привыкли, что и змеей-то его не зовут. У него есть во рту небольшие острые зубы, он ловит мышей и даже птичек и, пожалуй, может прокусить кожу; но нет яду в этих зубах, и укушение ужа совершенно безвредно.

Ужей у нас было множество, особенно в кучах соломы, что лежала около гумна: как пригреет солнышко, так они и выползут оттуда; шипят, когда подойдешь, язык или жало показывают; но ведь не жалом змеи кусают. Даже в кухне под полом водились ужи; как станут, бывало, дети, сидя на полу, молоко хлебать, так уж и выползет и к чашке голову тянет, а дети его ложкой по лбу.

Но водились у нас не одни ужи; водилась и ядовитая змея, черная, большая, без тех желтых полосок, что видны у ужа около головы. Такую змею зовут у нас *гадюкою.* Гадюка нередко кусала скот, и если не успеют, бывало, позвать с села старого деда Охрима, который знал

какое-то лекарство против укушения ядовитых змей, то скотина непременно падет, – раздует ее, бедную, как гору. Один мальчик у нас также умер от гадюки. Укусила она его около самого плеча, и, прежде чем пришел Охрим, опухоль перешла с руки на шею и грудь; дитя стало бредить, метаться и через два дня померло. Я в детстве много наслышался про гадюк и боялся их страшно, как будто чувствовал, что мне придется встретиться с опасной гадиной.

Косили у нас за садом, в сухой балке, где весной всякий год бежит ручей, а летом только сыровато и растет высокая густая трава. Всякая косовица была для меня праздником, особенно как сгребут сено в копны. Тут, бывало, и станешь бегать по сенокосу и со всего размаху кидаться в копны и барахтаться в душистом сене, пока не прогонят бабы, чтобы не разбивал копен.

Вот так-то и в этот раз бегал я и кувыркался; баб не было, косари пошли далеко, и только наша черная, большая собака, Бровко, лежала на копне и грызла кость.

Кувыркнулся я в одну копну, перевернулся в ней раза два и вдруг вскочил с ужасом. Что-то холодное и скользкое мазнуло меня по руке. Мысль о гадюке мелькнула в голове моей, и что же? Огромная гадюка, которую я обеспокоил, вылезла из сена и, подымаясь на хвост, готова была на меня кинуться.

Вместо того чтобы бежать, я стою как окаменелый, будто гадина зачаровала меня своими безвекими, неморгающими глазами. Еще бы минута – и я погиб; но Бровко, как стрела, слетел с копны, кинулся на змею, и завязалась между ними смертельная борьба.

Собака рвала змею зубами, топтала лапами; змея кусала собаку и в морду, и в грудь, и в живот. Но через минуту только клочки гадюки лежали на земле, а Бровко кинулся бежать и исчез.

Тут только воротился ко мне голос: я стал кричать и плакать; прибежали косари и косами добили еще трепетавшие куски змеи.

Но страннее всего, что Бровко с этого дня пропал и скитался неизвестно где.

Только через две недели воротился он домой: худой, тощий, но здоровый. Отец говорил мне, что собаки знают траву, которою они лечатся от укушения гадюки.

Орел и кошка

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива.

Вдруг, откуда ни возьмись, – огромный степной орел: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котенка. Но не успел еще орел подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котенка и схватился со старой кошкой. Закипела битва насмерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орел все еще был очень силен, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котенка.

Леший

Жители одной уединенной деревни были в большом беспокойстве, особенно бабы и ребятишки. В ближнем любимом их лесу, куда мальчики и девочки поминутно шныряли то за ягодами, то за грибами, завелся леший. Как только настанет ночь, так и пойдет по лесу хохот, свист, мяуканье, а по временам раздаются страшные крики, точно кого-нибудь душат. Как зааукает да захохочет, волосы становятся дыбом. Дети не только ночью, но и днем боялись ходить в свой любимый лес, где прежде только и слышно было что пенье соловьев да протяжные крики иволги. В то же время чаще прежнего стали пропадать по деревне молодые куры, утки и гусята.

Надоело это наконец одному молодому крестьянину Егору.

– Погодите, бабы, – сказал он, – я вам лешего живьем принесу.

Дождался Егор вечера, взял мешок, ружье и отправился в лес, несмотря на просьбы своей трусливой жены. Целую ночь пробродил он в лесу, целую ночь не спала его жена и с ужасом слушала, как до самого света хохотал и аукал леший.

Только уже утром показался Егор из лесу. Он тащил в мешке что-то большое и живое, одна рука у Егора была обмотана тряпкой, а на тряпке видна была кровь. Весь хутор сбежался на двор к отважному крестьянину и не без страха смотрел, как он вытряхивал из мешка какую-то невиданную птицу, мохнатую, с ушами, с красными большими глазами. Она кривым клювом щелкает, глазищами поводит, острыми когтями землю дерет; вороны, сороки и галки как только завидели чудище, так стали над ним носиться, подняли страшный крик и гам.

– Филин! – крикнул тут один старик. – Ведь я ж вам, глупые, говорил, что это все филин проказит.

Ветер

Ваня стоял у окна и смотрел, как по осеннему небу быстро неслись, одно за другим, тяжелые свинцовые облака. Отец Вани сидел у камина и читал книгу.

– Скажи мне, папаша, – спросил Ваня, – отчего так бегут облака? Я спросил об этом у Федора, и он сказал мне, что облака гонит ветер. «А ветер же отчего?» – спросил я. «Ветер от облаков», – отвечал мне Федор. Я как-то этого не понимаю: ветер гонит облака, а облака гонят ветер.

– Ты напрасно спрашивал об этом у Федора, – сказал отец Вани, улыбнувшись. – Спроси у него, как надобно закладывать лошадь, и он расскажет тебе это очень хорошо;

у каждого надобно спрашивать о том, что он может знать. Если ты хочешь, я объясню тебе, отчего идут облака и дует ветер. Холодно ли у нас в передней?

– О да! Очень холодно, – отвечал Ваня, – гораздо холоднее, чем здесь.

– Это-то нам и нужно, – продолжал отец. – Замечай же внимательно, что я буду делать, слушай, что буду объяснять, и спрашивай, если чего-нибудь не поймешь.

Сказав это, отец встал, зажег свечу, приотворил немного дверь, так что образовалась узкая и длинная щель из кабинета в переднюю, и поднес свечу сначала к низу щели; пламя свечи сильно нагнулось по направлению от передней к кабинету.

– Куда теперь дует ветер? – спросил отец.

– Из передней в кабинет, – отвечал Ваня.

Отец поднял тогда свечу к верху щели, и пламя сильно пошатнулось в противоположную сторону, по направлению из кабинета в переднюю.

– Теперь ветер дует из кабинета в переднюю, – сказал Ваня, не дождавшись отцовского вопроса.

Повторив этот опыт еще раза два, отец Вани затворил дверь, из которой сильно дуло в ноги, поставил свечу на стол и начал:

– Теперь ты видел, что в растворенную дверь внизу дует ветер из холодной передней в теплый кабинет, а наверху, наоборот, из теплого кабинета в холодную переднюю.

Постараемся же объяснить себе, отчего это делается. Ты слыхал уже, что воздух, как всякое тело, от холода сжимается, становится гуще и, следовательно, тяжелее и, наоборот, от тепла расширяется, становится реже и легче. Ты знаешь также, что всякое тело, которое тяжелее воды, тонет в ней, а то, которое легче воды, подымается вверх; то же самое делается в воздухе, во всякой жидкости и во всяком газе. Чем воздух гуще, тем он тяжелее и тем сильнее жмется к земле; чем воздух теплее, тем он более стремится подняться вверх. Тяжелый же и легкий воздух, соединившись, всегда стремятся уравновеситься: тяжелый занять место внизу, а легкий – вверху. Таким образом, между теплым воздухом кабинета и холодным передней установились два *течения* воздуха: одно вверху, другое, обратное, – внизу. Это-то течение, или стремление, воздуха и называется ветром. На земном шаре так же, как и в нашем доме, не все места одинаково теплы и одинаково холодны. Ты, вероятно, слыхал, что в то время, когда у нас бывает зима, в другом месте, противоположном нашему, стоит самое жаркое лето. Ты, вероятно, знаешь также, что есть страны, где солнце круглый год подымается почти отвесно над головою и никогда не бывает зимы, и другие, где зима царствует большую часть года. Кроме того, ты, вероятно, замечал, что песок или камень накаляются гораздо сильнее и быстрее, чем земля, особенно влажная. Есть на земном шаре страны, почва которых вся состоит из песка или камня, тогда как другие имеют влажную почву, покрыты лесами и болотами; понятно, что в одно и то же время воздух в первых будет теплее, чем во вторых. Ты часто катался по реке и, вероятно, заметил, что над водою воздух прохладнее, чем над землею. Над морем воздух летом всегда прохладнее, а зимою всегда теплее, потому что вода в больших морях зимою не замерзает и сообщает теплоту воздуху. Следовательно, на земном шаре, в одно и то же время, в различных местностях воздух имеет различную *температуру.* (Температурою называется степень тепла или холода какого-нибудь тела.) Вот почему воздух никогда почти не бывает в спокойном состоянии: почти всегда движется с большей или меньшей силою, а эти движения воздуха и называются ветрами. Ты, вероятно, заметил, что у нас морской западный ветер влажен и тепел, приносит облака и дождь; южный – сух и приносит летом жар, восточный по большей части холоден и сух, северный дует от Ледовитого моря, наполненного плавающими льдинами, и всегда холоден. В Петербурге ветры очень переменчивы, потому что Петербург окружен самыми разнообразными местностями: на севере у него большое Ладожское озеро, иногда долго покрытое льдом, на западе – море, хотя замерзающее зимою, но только у берегов, на юге и востоке – обширные равнины, по которым свободно гулять ветрам.

Если ты будешь присматриваться к движению облаков, – продолжал отец Вани, – то заметишь, что облака движутся иногда в противоположные стороны. Это случается тогда, когда облака находятся на различных высотах и попадают поэтому в различные течения воздуха: одни

плывут в низшем течении, другие – в верхнем. Если бы ты пустил перышко в верху дверной щели, то оно полетело бы в переднюю, пусти его внизу – и оно полетит в кабинет.

– Но отчего же облака бывают различного цвета? – спросил Ваня.

– От различного освещения их солнцем или луною, – отвечал отец, – от различия в расстоянии, на котором находятся от нас облака, и, наконец, от различной степени густоты пара.

Органы человеческого тела

Однажды органы человеческого тела перессорились между собою и решились не служить более друг другу. Ноги сказали:

– Почему мы именно должны носить все тело? Пусть оно сделает само себе другие ноги, да и ходит сколько угодно.

Руки также сказали:

– И мы не хотим работать для других, устройте себе другие руки, и пусть для вас трудятся.

Рот проворчал:

– Глуп же я буду, если ни за что ни про что стану пережевывать пищу для желудка, чтобы он ее потом переварил, развалившись, как какой-нибудь важный барин. Нет, поищи себе другого рта, а я тебе больше не слуга.

Глаза находили также очень странным, что они должны смотреть за все тело и стоять беспрестанно на страже. Так разговаривали между собою все органы человеческого тела и решились не служить более друг другу. Что же случилось? Так как ноги не хотели ходить, руки перестали работать, рот перестал есть и глаза закрылись, то все тело, оставшись без движения и пищи, начало слабеть, хиреть и едва было совершенно не замерло. Всем органам, составляющим тело, стало тяжело и пришлось бы еще хуже, если бы они не догадались, как глупо они поступали. «Нет, так жить плохо», – подумали они; помирились, стали по-прежнему друг на друга работать, – и все тело поправилось и сделалось здоровым и сильным.

Ласточка

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

– Не разоряй гнезда, – сказал мальчику отец. – Весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, веселых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнездышка. Работа закипела, ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнездышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то перышко, то стебелек моха.

Прошло еще несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остается в нем постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», – подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнездышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперед, как неутомимо добывали пищу своим деткам! Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил свое удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

– Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост, в сравнении с маленьким, легким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть, вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе – о южнорусских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Черном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где все цвело и зеленело, когда у нас выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнездышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

– Я не думал, что ласточки улетают так далеко, – сказал мальчик.

– Да и не одни ласточки, – продолжал отец. – Жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют перелетными, также улетают от нас на зиму в теплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в Южной Германии и Франции; другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померанцевых рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь еще дальше, перелететь все Средиземное море, чтобы вывести и накормить детей где-нибудь на берегах Нила.

– Отчего же они не остаются в теплых странах целый год, – спросил мальчик, – если там так хорошо?

– Видно, им недостает корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре верст, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

Птицы

В одной хорошенькой малороссийской деревеньке было столько садов, что вся она казалась одним большим садом. Деревья цвели и благоухали весною, а в густой зелени их ветвей порхало множество птичек, оглашавших окрестность звонкими песнями и веселым щебетаньем; осенью уже появлялось между листьями множество розовых яблок, желтых груш и сине-пурпуровых слив. Но вот несколько злых мальчиков, собравшись толпою, разорили птичьи гнезда. Бедные птицы покинули сады и больше уже в них не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна; но в садах было тихо и печально. Вредные гусеницы, которых прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь беспрепятственно и пожирали на деревьях не только цветы, но и листья: и вот обнаженные деревья посреди лета смотрели печально, будто зимою. Пришла осень, но в садах не было ни розовых яблок, ни желтых груш, ни пурпуровых слив; на ветках не перепархивали веселые птички; деревня не оглашалась их звонкими песнями.

Грядки гвоздики

Трое детей выпросили у матери каждый по небольшой грядке гвоздики и дожидались с нетерпением, когда цветы распустятся, потому что на гвоздике уже показались почки.

У младшего из братьев, однако же, недостало терпения дожидаться, пока почки развернутся сами, и он, прибежав рано утром к своей грядке, расковырял сначала одну почку: хорошенькие пестрые лепестки показались из-за зеленой оболочки. Мальчику это понравилось, и он проворно раскрывал одну почку за другою; наконец вся его грядка зацвела.

– Посмотрите, посмотрите! – кричал он братьям, прыгая от радости вокруг своей грядки и хлопая в ладоши. – Посмотрите, моя гвоздика уже цветет, а на ваших грядках только листья да зеленые почки.

Но радость мальчика была непродолжительна. Солнце поднялось повыше, и пестрые цветочки, раскрытые насильственно и прежде времени, печально наклонились к земле, а к полудню потемнели и совершенно завяли.

Преждевременная радость мальчика превратилась в печаль, и он горько плакал, стоя у своих увядших цветов.

Сумка почтальона

Коля был добрый, но очень рассеянный мальчик. Он написал очень миленькое письмо к своей бабушке в Петербург: поздравлял ее с Светлым праздником, описывал свою деревенскую жизнь, чему он учится, как проводит время, – словом, письмо было очень, очень миленькое; но только Коля вместо письма вложил в пакет пол-листа чистой бумаги, а письмо осталось лежать в книге, куда Коля его сунул. Пакет запечатан, адрес написан, почтовая марка приложена – и пустой пол-лист бумаги отправился в Петербург поздравлять бабушку с праздником.

Верст пятьсот проскакал Колин пакет, точно торопясь за каким-нибудь важным делом. Вот он и в Петербурге, а через несколько минут и в сумке почтальона, который бежит по улицам, звонит у подъездов и раздает письма по адресам. Но Колиному пакету не лежалось в сумке: он, как все пустые существа, был очень болтлив и любопытен.

– Вы куда отправляетесь и что в вас написано? – спросил пакет Коли у своего соседа – толстого, красивого пакета из веленевой[25] бумаги, украшенного большою гербовою печатью, на которой была княжеская корона и множество украшений.

Богатый пакет отвечал не сразу; он сначала посмотрел, с кем имеет дело, и, видя, что дерзкий, осмелившийся вступить с ним в разговор был хорошенький, глянцевитый, чистенький пакетец, удостоил его ответа.

– По адресу, который на мне написан, мой милый малютка, вы уже можете заключить, что я еду к очень и очень важному лицу. Представьте же себе, каково мне лежать в этой темной, вонючей сумке, рядом с такими пакетами, каков, например, мой сосед с левой стороны. Жаль, что вы не видите этого серого, запачканного урода, запечатанного каким-то хлебным мякишем вместо сургуча и какою-то солдатскою пуговицею вместо печати. И адрес-то какой на нем? Каракульки! И идет-то он куда: на Петербургскую сторону, в Немощеную улицу, и то еще в подвал! Фи, невольно испачкаешься, лежа возле такого соседа!

– Я не виноват, что нас положили рядом, – отвечал сурово солдатский пакет, – и мне,

признаться, скучно лежать возле такого надутого, но пустого и глупого барина, как ты. Обертка-то твоя хороша, но что в середине? Все пустые фразы, в которых нет ни слова правды. Тот, кто писал тебя, терпеть не может того, к кому ты написан, а между тем посмотри, сколько желаний, искренних поздравлений и в конце – глубочайшее уважение и совершеннейшая преданность! А все это вздор и ложь! Нет тут ни уважения, ни преданности, и потребуй-ка от этого покорнейшего слуги какой-нибудь действительной услуги, тогда и узнаешь, чем пахнет эта услужливость и уважение.

– Грубиян, невежда, как ты смеешь! Я удивляюсь, как почтальон не выкинет тебя на улицу за такие дерзости! Ты посмотри только на мой герб.

– Что герб! – отвечал грубо солдат. – Герб у тебя хорош; но под гербом-то что? Пустышка, глупые фразы! Ни одной капли правды – все ложь, гордость да чванство!

Гербовый пакет готов был лопнуть с досады и лопнул бы наверное, если бы в это самое время почтальон не вытащил его из сумки и не передал раззолоченному швейцару.

– Слава Богу! Одним дураком меньше, – продолжал расходившийся солдатский пакет. – И это глупое, надутое животное смело еще досадовать, что лежит вместе со мною… Если бы только он знал, что во мне написано!

– Что же такое написано в вас? – спросил Колин пакет, очутившийся по соседству с серым пакетом, запечатанным солдатскою пуговицею.

– Да вот что, мой любезный чистенький господинчик. Я несу известие бедной, дряхлой старушке, что сын ее, о котором она не слыхала уже лет десять, с тех самых пор, как его взяли в рекруты, жив, здоров и скоро будет в отпуск. Правда, я запечатан плохим сургучом; но как будет дрожать рука старушки, разламывая этот сургуч! Правда, я написан каракульками – и немудрено: меня писал солдат, выучившийся этому искусству самоучкою, писал куды плохим пером и на самой серой бумаге; но если бы ты видел, какая теплая слеза скатилась с его усов и упала на меня! Славная слеза, я бережно несу ее матери. Я знаю, что меня ожидает славная участь: не то что гордого барина, который, слава Богу, убрался восвояси. В него едва взглянут, а потом изорвут и бросят, сначала под стол, а потом в помойную яму. Мою же каждую каракульку мать подарит доброю, горячею слезою, перечтет меня тысячу раз, тысячу раз прижмет к своему любящему сердцу и спрячет потом на груди, на своей доброй материнской груди. Эх, как бы поскорее принес меня этот несносный почтальон!

– А вы куда и с чем отправляетесь? – спросил любопытный Колин пакет, обращаясь к своему соседу с другой стороны, пакету с черной печатью.

– По цвету моей печати, – отвечал тот, – вы видите, что я несу грустную новость. Бедный мальчик, который теперь лежит в больнице, прочтет во мне, что его отец скончался. Я так же все облито слезами, но только не радостными слезами. Меня писала дрожащая рука женщины, потерявшей своего любимого мужа, – рука матери, извещающей больного сына, что он потерял отца. Бедный Ваня! Как-то он перенесет это известие! Я воображаю, как испугается он, увидя мою зловещую печать, как задрожит, прочтя во мне страшную новость, как упадет лицом на свою подушечку и зальется слезами. Эх, право, лучше бы мне провалиться сквозь землю, чем ехать с таким известием.

Рука почтальона, остановившегося около какого-то учебного заведения, вытащила из сумки печальное письмо с черною печатью. У Колина письма очутился новый сосед, и этот был уже совсем иного свойства.

– Ха! ха! ха! – отвечал он на вопрос Колина письма. – Если бы вы только знали, какие уморительные вещи во мне написаны! Человек, написавший меня, превеселого нрава; я знаю, что тот, кто будет читать меня, непременно захохочет; во мне все написаны пустяки, но все такие забавные пустяки!

Другие письма, услышав разговор, также в него вмешались. И каждое спешило высказать, какую новость оно несет.

– Я несу богатому купцу известие, что товары его проданы по высокой цене.

– А я несу другому, что он банкрот.

– Я иду разбранить Васю, что он так давно не пишет к своим родителям.

– Меня писал деревенский дьячок от имени Акулины Трифоновны к ее мужу в Петербург, и я сверху донизу набито поклонами.

– А во мне что ни слово, то ложь, даже совестно ехать с таким грузом, право!

В разговор вмешались и повестки.

– То-то обрадуется тот, кто получит меня, – сказала одна повестка.

– Есть чему радоваться, – перебила другая, – ты только на десять рублей, а я на пять тысяч.

– Но тот, кому я адресована, – отвечала первая, – не знает, чем разговеться в праздник, а на тебя не обратят внимания.

– Обрадуется и мне молодчик, к которому я послана: прокутит он денежки в два-три дня, спустит он их все по трактирам да по кондитерским: как будто не знает, что матери, которая их посылает, стоила много труда и лишений каждая копейка в этой сотне рублей и что она даже свою маленькую дочь оставила к празднику без подарка.

Так болтали между собою в сумке почтальона повестки и письма; а он между тем бегал по улицам и равнодушно разносил по домам радость и горе, смех и печаль, любовь и злобу, дружбу и ненависть, правду и ложь, важные известия и глупые, пустые фразы. Дошла наконец очередь и до Колина письма: почтальон отдал его дворнику, дворник – горничной, горничная – старой бабушке, которая сидела у окошка и, смотря в четыре глаза, вязала чулки. Бабушка распечатала пакет, вынула пустой лист и смотрела на него с удивлением, не понимая, кто это так глупо подшутил над нею.

Великан и карлики

Глава I. Житье-бытье великана и карликов

Лет тысяч пять или шесть тому назад, когда на белом свете водилось еще много различных чудес, жил-был где-то очень далеко отсюда, посреди жаркой Африки, огромный великан. По соседству с великаном находилось целое царство удивительно маленьких человечков. Великана звали Антеем, маленьких человечков – Пигмеями. Антей и Пигмеи были детьми одной и той же матери, нашей общей старой бабушки-земли. Они считались братьями и жили дружно, по-братски. Пигмеи были такие крошки, жили за такими пустынями и горами, что неудивительно, если в сотни лет ни одному человеку не пришлось разу увидать их. Великана, правда, можно было бы рассмотреть и за сотни верст, но благоразумие приказывало держаться от него

подальше.

Пигмей в пять или шесть вершков[26] росту считался между Пигмеями великаном. Из этого вы можете судить, какие это были маленькие человечки. Приятно было бы посмотреть на маленькие города Пигмеев, где улицы были шириною в пять или шесть четвертей, мостовые из крошечных камешков, а самый большой дом не больше беличьей клетки. Дворец пигмейского короля был очень велик – выше даже нашего стула! Стоял он посредине такой обширной площади, что ее, может быть, не закрыть бы и заслонкой из кухонной печи. Главный пигмейский храм был величиною с детский комод, и Пигмеи смотрели с гордостью на это величественное здание. Вообще Пигмеи были очень искусные строители и строили свои дома почти так же, как птички вьют свои гнезда: из соломы, перьев, яичных скорлупок и других не слишком тяжелых материалов. Все это скреплялось вместо извести вишневым клеем, и когда такое величественное здание высыхало на солнце, то карлики находили его и красивым и удобным.

Вокруг пигмейского города расстилались поля. Самое большое из них было не больше нашего цветника. На этих полях маленькие человечки садили пшеничные, ячменные и ржаные зерна, и когда из этих зерен вырастали колосья, то для Пигмеев казались они огромными деревьями. На жатву трудолюбивые крошки выходили с топориками и без устали рубили зрелые колосья, как рубим мы сосны и березы. Случалось иногда, что неосторожно срубленный колос с тяжелой головкой падал на Пигмея, и всякий раз из этого выходила весьма неприятная история: если Пигмей и оставался жив, то, по крайней мере, долго стонал и охал. Вот каковы были отцы и матери Пигмеев; представьте же себе, каковы у них были детки! Целая толпа пигмейских ребятишек могла бы удобно расположиться спать в нашем башмаке или играть в жмурки в старой перчатке; годового Пигмейчика вы без труда накрыли бы наперстком.

Забавные малютки, как я уже сказал, жили по соседству с великаном. А великан был действительно великан! Отправляясь гулять, он вырывал целую сосну сажен[27] в десять высотою и помахивал ею, как мы машем тросточкою. Самый зоркий Пигмей без подзорной трубы не мог видеть ясно головы Антея. Иногда же, в туманную погоду, Пигмеям видны были только страшные ножищи великана, которые двигались будто сами собою. Но в ясный день, когда солнышко блистало ярко, Антей шутил с Пигмеями очень мило: стоит, бывало, подбоченясь, гора горою, и его широкое лицо ласково улыбается маленьким братцам, а единственный глаз, величиною в каретное колесо, торчавший у Антея посреди самого лба, дружески мигает разом всему пигмейскому народу. Пигмеи любили поболтать с своим братцем. Иной пятьдесят раз в день подбежит, бывало, к ногам великана, задерет кверху головку, приложит кулак ко рту и закричит, как в трубу, изо всей мочи: «Го-го, братец Антей! Как поживаешь, мой милый?» И если тоненький писк достигал до слуха великана, то он, бывало, непременно ответит: «Спасибо, братец Пигмей, живу помаленьку», но ответит так, что даже пигмейские дома задрожат.

Большим счастьем было для Пигмеев, что Антей был с ними дружен. Если бы он так же злился на них, как злился на всякое другое живое существо, то одним пинком мог бы перевернуть все их царство кверху ногами; стоило ему ступить на пигмейский город, и следа бы его не осталось. Но Антей любил своих крохотных братцев, насколько мог любить такой грубый великан, а они платили ему такою любовью, какая только могла поместиться в их крошечных сердечках. Великан как добрый брат и хороший сосед не раз оказывал Пигмеям большие услуги. Если ветряные мельницы их переставали вертеться за недостатком ветра, то стоило только Антею подышать на крылья, и мельницы принимались молоть; жгло ли крошек солнце слишком сильно, Антей садился на землю, и тень его закрывала все их царство из конца в конец; но вообще Антей был довольно умен, чтобы не мешаться в дела крошек, и предоставлял

им самим управляться, как знают.

Пигмеи жили недолго, жизнь Антея была длинна, как его тело. Много пигмейских поколений сменилось на глазах Антея. Самые почтенные и седые Пигмеи не слыхали от своих предков, когда началась их дружба с Антеем. Никто из Пигмеев не помнил, чтобы они когда-нибудь ссорились с громадным братом. Дружба их шла ненарушимо с незапамятных времен. Однажды только Антей по неосторожности сел разом на пять тысяч Пигмеев, собравшихся на великолепный парад. Но это было одно из тех печальных событий, которых никто не может предвидеть, а потому Пигмеи не рассердились на Антея и только попросили его, чтобы вперед он осторожнее выбирал место, где ему захочется усесться; на месте же печального события Пигмеи воздвигнули пирамиду четверти в три вышиною.

Приятно было думать, что существа, столь различные по величине, питали друг к другу такую нежную братскую любовь. Эта дружба была счастьем для Пигмеев, но она была также счастьем и для великана. Может быть, Пигмеи были даже нужнее своему длинному братцу, чем он Пигмеям. Не будь у Антея его маленьких братьев, и у него решительно не было бы ни одного друга в целом мире. В целом мире не было ни одного великана, похожего на Антея, и когда Антей стоял, как громадная башня, а голова его уходила в облака, то он был страшно одинок. Да и нрава Антей был неуживчивого: встреться он с подобным ему великаном, то, вероятно, начал бы с ним драку не на живот, а на смерть. Им вдвоем показалось бы тесно жить на белом свете. Но с Пигмеями Антей был самым добродушным, ласковым великаном.

Маленькие приятели Антея, как вообще все маленькие люди, были о себе очень высокого мнения и, говоря о великане, принимали покровительственный тон.

– Бедное доброе созданье, – говорили они об Антее. – Пропал бы он без нас, бедняга! Ему одному, должно быть, ужасно как скучно. Уделим же минутку нашего драгоценного времени и позабавим милого дружка. Поверьте, что он очень нуждается в нас и далеко не так весел, как мы. Спасибо матушке-земле, что она не создала нас такими же великанами!

По праздникам Пигмеи превесело играли с Антеем. Он, бывало, растянется на земле и займет собою такое пространство, что для коротенького Пигмея пройти от Антеевой головы до его ног было весьма порядочной прогулкой. Крошечные человечки весело перепрыгивали у него с пальца на палец, смело запрятывались в складки его одежды, взбирались к нему на голову и не без ужаса заглядывали в его широкий рот – страшную пропасть, куда могли бы провалиться сотни две Пигмеев разом. Дети играли в прятки в волосах и бороде Антея, а большие держали пари, кто скорее обежит вокруг его единственного глаза. Иные молодцы со всего размаха даже прыгали с носа Антея на его верхнюю губу.

Говоря откровенно, Пигмеи иногда препорядочно надоедали своему братцу, как надоедают нам мухи и комары, но Антей принимал их шутки очень добродушно. Смотрит-смотрит, бывало, на все их проказы и расхохочется. Да так расхохочется, что весь пигмейский народ закроет себе уши, чтобы не оглохнуть.

– Хо, хо, хо! – проревет Антей, колыхаясь, как огнедышащая гора при извержении. – Право, недурно быть таким крошкой, и не будь я Антеем, я пожелал бы быть Пигмеем!

Счастливо жили Пигмеи, но была у них своя забота. Они вели постоянную войну с журавлями, и эта война тянулась так долго, что и великан даже не помнил, когда она началась. Страшные битвы происходили по временам между маленькими человечками и журавлями! Величественны были Пигмеи, когда верхом на белках, кроликах, крысах и ежах, вооружившись мечами и копьями, луками и стрелами, трубя в трубы, сделанные из соломинок, с громким *ура!*

кидались в битву. При этих случаях пигмейские полководцы, возбуждая воинов к битве, не раз говорили им: «Помните, Пигмеи, что весь мир смотрит на вас!» Хотя, правду говоря, смотрел на них единственный, несколько глуповатый глаз Антея.

Когда обе враждебные армии сходились к битве, то журавли кидались вперед и, махая крыльями, вытягивая шеи, старались выхватить кого-нибудь из пигмейских рядов своими длинными носами. Грустно было видеть, как иногда маленький человечек, барахтаясь, дрыгая ножками, исчезал мало-помалу в длинном журавлином горле. Но герой, как вы знаете, должен быть готов к случайностям всякого рода, и, без сомнения, слава утешала Пигмеев даже в журавлином зобу. Если Антей замечал, что битва становится уже слишком жарка и что его маленьким приятелям приходится плохо, то он только махнет, бывало, своей дубиной, и журавли с криком, перегоняя друг друга, убираются восвояси. Тогда пигмейская армия возвращалась с торжеством, конечно, приписывая победу своей собственной храбрости искусству своих полководцев. Долго после того по улицам пигмейских городов ходили торжественные процессии, горели блестящие иллюминации и фейерверки, задавались великолепные публичные обеды, выставлялись статуи героев во весь их маленький рост. Если же какому-нибудь Пигмею удавалось вытащить перо из журавлиного хвоста, то это перо гордо колыхалось на его шляпе; за три, за четыре таких пера храбрец делался даже предводителем пигмейской армии.

Так-то жили и благоденствовали маленькие Пигмеи возле своего громадного брата, и дружба их, может быть, продолжалась бы и до сих пор, если б не случилось одного печального происшествия, о котором я расскажу вам в следующей главе.

Глава II. «Нашла коса на камень»

Однажды в праздник Антей отдыхал, растянувшись на земле во весь свой рост; голова его лежала на одной границе Пигмейского государства, а ноги далеко выходили за другую. Маленькие человечки кучами лазили по нем, карабкались к нему на голову, заглядывали к нему в рот, играли в прятки в его волосах. По временам великан дремал, и храп его раздавался подобно порывам бури. В такую сонную минуту один пигмейский храбрец взобрался на самый лоб Антея и оттуда, как с высокой башни, любовался окрестностью. Вдруг видит Пигмей вдали что-то такое странное, небывалое – смотрит, смотрит и не верит глазам своим! Сначала Пигмею показалось, что вдали стоит гора на том месте, где ее прежде не было. Но скоро он убедился, что эта гора движется. Еще прошло минуты две, и Пигмей с изумлением увидел, что это вовсе не гора, а огромный человек, не такой, правда, огромный, как Антей, но все же довольно велик для того, чтобы показаться Пигмею страшилищем, да и мы бы назвали незнакомца человеком громадного роста.

Пигмей страшно перетревожился. Сначала он не знал, что ему делать, но потом спустился проворно к уху великана, влез туда, как в пещеру, и закричал что было мочи:

– Го, го! Братец Антей, вставай, проворнее вставай! Бери свою дубину, сюда идет другой великан и, должно быть, хочет драться с тобою!

– Эй, братец, перестань! – промычал Антей. – Оставь дурачиться, я спать хочу! Какие там великаны? – прибавил Антей и задремал снова.

Но Пигмей не успокоился: взглянул опять туда, где видел чужого великана, и с ужасом заметил, что он уж очень недалеко, так что можно было ясно рассмотреть его лицо и одежду. На голове у незнакомца был золотой шлем, а латы его ярко блистали на солнце. Он был опоясан широким мечом, львиная шкура развевалась у него на плечах, в одной руке держал он

громадную палицу, которая, казалось, была даже тяжелее Антеевой сосны. Теперь уже и весь пигмейский народ заметил громадного незнакомца, и целый миллион маленьких голосков завопил разом:

– Вставай, Антей! Проснись, лентяй! Идет другой великан, такой же сильный, как ты, и хочет биться с тобою!

– Вздор, пустяки! – мычал сквозь сон Антей. – Пусть там идет себе кто хочет.

Но в это время незнакомый богатырь подходил все ближе и ближе, и Пигмеи видели теперь совершенно ясно, что если он ростом и поменьше Антея, зато в плечах гораздо будет пошире. О, как страшно широки были эти плечи! Пигмеи были преживой, пребойкий народец, гораздо сметливее их тяжелого, глуповатого братца, – и вот они принялись кричать в один голос, толкали Антея чем ни попало и даже кололи своими маленькими мечами его толстую кожу.

– Вставай же! Вставай! Вставай! – кричали они. – Поднимай свои ленивые кости! Посмотри, что за палица у незнакомца, гораздо тяжелее твоей, посмотри, что у него за богатырские плечи, гораздо шире твоих.

Антей никогда не мог слышать хладнокровно, что есть где-нибудь существо, равное ему по силе. С досадою, нехотя стал он просыпаться; зевнул раза три, открывши при этом рот сажени на две; потом протер глаз и наконец повернул-таки башку в ту сторону, куда указывали ему его маленькие друзья… Но едва увидел он незнакомца, как в ту же минуту вскочил на ноги, схватил свою сосну и, страшно потрясая ею в воздухе, зашагал навстречу незнакомцу.

– Ты кто такой? – прогремел великан. – Что тебе здесь нужно? Зачем тебя несет сюда, в мои владения?

Я не сказал вам, дети, еще об одной странности, которая водилась за Антеем, – не сказал именно потому, что, услыхав от меня о стольких чудесах разом, вы бы, пожалуй, мне и не поверили. Знайте же, что всякий раз, как этот страшный великан дотрагивался до земли, силы его увеличивались вдесятеро. Мать его – земля, как вы видите, очень любила и берегла своего неуклюжего сына.

К счастью еще, Антей был ленив и не любил двигаться. Не дай Бог, если б прыгал и вертелся, как Пигмеи, он, наверное, обрушил бы тогда небо на нас, бедных жителей земли. Но, к счастью, этот неуклюжий малый был громаден, как гора, и почти так же, как она, неподвижен.

Нет сомнения, что всякий другой человек перепугался бы до полусмерти, взглянув на свирепое лицо разъяренного великана, но стоявший перед ним незнакомый богатырь, видно, был не трусливого десятка и едва ли даже знал, что такое страх. Он, преспокойно играя палицей, измерил Антея глазами с головы до ног и даже не показал очень большого удивления: казалось, незнакомец видал прежде много великанов даже побольше Антея.

– Говори же, кто ты такой? – заревел Антей снова. – Как тебя зовут и что тебе здесь нужно? Отвечай сию минуту, бродяга, а не то я попробую своей тросточкой, толста ли у тебя кожа.

– Ты, как я вижу, большой невежа, – отвечал незнакомец очень спокойно. – И мне, вероятно, придется поучить тебя учтивости. Ты хочешь знать мое имя?… Пожалуй! Зовут меня Геркулесом, а иду я в Гесперидские сады за золотыми яблоками.

Услышав имя Геркулеса, Антей рассвирепел еще пуще: даже и в африканскую пустыню достиг к Антею слух о страшной силе, необыкновенном мужестве и чудесных подвигах Геркулеса.

Антей же, как вы знаете, не мог сносить равнодушно, чтобы, кроме него, были на свете и другие сильные существа.

– Так знай же, бродяга, – заревел Антей, – что ты не пойдешь далее, да и назад не воротишься!

– А как же ты помешаешь мне, – спросил Геркулес, – идти, куда мне угодно?

– Да вот как: дам тебе отведать, вкусна ли моя сосенка! – прокричал великан с злобным хохотом. В эту минуту Антей был действительно отвратительнейшим чудовищем. – Разве ты не знаешь, – продолжал он, – что я в десять, во сто раз сильнее тебя и что мне стоит только поставить ногу на землю, чтобы быть в тысячу раз сильнее? Мне стыдно убивать такое ничтожное существо, как ты, и я хочу живого отдать тебя вместо игрушки моим братьям, Пигмеям. Клади же свою дубину, снимай свой шлем и подай сюда твою львиную кожу: я сделаю себе из нее пару перчаток!

– Приди и сам сними ее с моих плеч, – отвечал Геркулес, подымая палицу.

Скрежеща от ярости зубами, двинулся великан на Геркулеса и занес над ним свою сосну, но Геркулес был гораздо ловче Антея: отвел грозивший ему удар своею палицею и, в свою очередь, так метко хватил Антея по громадной башке, что он, как тяжелая башня, рухнулся на землю. Бедным маленьким Пигмеям и во сне никогда не снилось, чтобы кто-нибудь мог быть сильнее Антея, увидя же такой удар, они не на шутку перепугались за своего неуклюжего брата. Но Антей быстро поднялся с земли и, ставши в десять раз сильнее прежнего, с бешенством кинулся на Геркулеса. Он страшно замахнулся на богатыря своею сосною, но, ослепленный яростью, не попал, куда метил, и ударил в свою же невинную мать-землю так, что та застонала и задрожала. Пока Антей вытаскивал сосну, которая вошла в землю очень глубоко, Геркулес успел ударить его снова палицею между плеч. Великан испустил страшный, оглушительный крик – такой крик, что его, как я думаю, можно было слышать даже по ту сторону африканских степей: от одного сотрясения воздуха при этом крике пигмейская столица превратилась в развалины. Но, вытащив свою сосну, Антей снова стал в десять раз сильнее прежнего – и снова кинулся на Геркулеса.

В этот раз Геркулес так ловко подставил свою дубину, что Антеева сосна, ударившись о нее, разлетелась на тысячи кусков. Воспользовавшись этим обстоятельством, Геркулес снова свалил с ног Антея; но снова только сделал его в десять раз сильнее прежнего. Нужно ли говорить, какая ярость кипела в душе великана? Единственный глаз его сверкал, как раскаленный докрасна круг железа. У Антея не было уже оружия, но оставались еще два кулака, каждый с доброго кабана величиною. Размахивая руками, с пеной у рта снова кинулось разъяренное чудовище на Геркулеса.

– Погоди же! Вот я тебе! – проревел Антей, не помня себя от бешенства.

Тут Геркулес увидал, что ему не справиться с Антеем, если он будет по-прежнему сбивать его с ног. Каждый раз гигант делается сильнее и может наконец сделаться сильнее самого Геркулеса. Геркулес был не только силен, но и умен. Он бросил палицу, с которою одержал столько удивительных побед, и приготовился встретить Антея грудь грудью.

– Пожалуй! – закричал он чудовищу. – Сосна твоя сломалась, попробуем же, кто из нас борется лучше.

– О! Теперь ты уж от меня не уйдешь! – проревел обрадованный великан, который считал себя лучшим борцом в целом свете. – Давай бороться, я закину тебя туда, откуда ты уже во веки веков не вылезешь.

Началась страшная борьба. Геркулес, уловив удобную минуту, схватил Антея посредине тела и поднял его над землею. О, какая это была картина! Громадный великан, поднятый на воздух, болтал своими длинными руками и ногами и изворачивался всем своим неуклюжим телом, как маленький ребенок, которого отец поднимает до потолка. Но как только Антей был оторван от земли, силы его начали пропадать. Геркулес скоро заметил, что враг его становится все слабее и слабее, бьется и вертится все тише и тише и наконец уже не кричит, а только хрипит: чудовище издыхало. Отделенный от земли, великан не мог прожить и пяти минут: умный Геркулес отгадал эту тайну и одолел гиганта, который казался неодолимым.

Когда великан перестал дышать, Геркулес бросил его бесчувственное тело на землю. Теперь уже и мать сырая земля не могла воскресить своего бездыханного сына. Я полагаю, что громадный остов Антея и в настоящее время лежит на том же месте, где бросил его Геркулес. Но если путешественники видели этот остов, то, вероятно, приняли его за кости какого-нибудь громадного допотопного животного.

Глава III. Месть пигмеев за брата

О, какой жалобный стон подняли бедные Пигмеи, увидав, что сделал незнакомец с их громадным братом! Надобно полагать, что даже Геркулес слышал эти отчаянные крики, но, вероятно, подумал, что это пищали какие-нибудь птички, спугнутые с гнезд стуком оружия и криками Антея.

Геркулес устал: он шел издалека и битва его утомила. Ему захотелось спать, и он, не долго думав, сбросил с плеч на землю свою львиную шкуру и преспокойно на ней улегся.

Пигмеи еще более были оскорблены таким равнодушным презрением пришельца и, убедившись, что он заснул, собрались на народное совещание. Громадная толпа маленьких человечков покрывала собой площадь аршин[28] в 30 квадратных. Один из красноречивейших пигмейских ораторов, который так же искусно действовал языком, как и оружием, взобрался на первый попавшийся красивый мухомор и оттуда повел речь к окружавшей его толпе сограждан.

– Великие Пигмеи, великие маленькие люди! – говорил он. – Мы все видели, какое страшное общественное бедствие разразилось над нами и какое кровавое оскорбление нанесено величию нашего народа! Взгляните: там лежит Антей, наш друг и брат! Убит, убит в границах нашего государства! Убит ничтожным пришельцем, который застал его врасплох и сражался с ним… Но разве это убийство можно назвать сражением?! О таком сражении не слыхал до сих пор никто: ни великан, ни Пигмей. И теперь, довершая злодейство оскорблением, убийца улегся спать посреди нас так же спокойно, как будто бы он и не заботился о нашем мщении. Подумайте, великие Пигмеи, что заговорит о нас свет, что скажет беспристрастная история, если мы оставим неотомщенным это чудовищное, неслыханное оскорбление? Антей был брат наш, сын нашей матери, от которой мы получили наше тело и наши храбрые сердца; он знал это – и гордился нашим родством! Он был нашим верным союзником и пал, сражаясь за свою честь и за наши народные права. Мы и наши предки жили с ним в дружеских сношениях с незапамятных времен. Вспомните, как часто весь наш великий народ отдыхал под тенью Антея! Вспомните, как наши малютки, играя, прятались в кольцах его волос! Вспомните, как осторожно двигалась между нами его могучая стопа! А теперь этот добрый брат, этот тихий и ласковый друг, этот храбрый и верный союзник наш, этот добродетельный великан, этот безукоризненный Антей – убит, убит! Лежит бездыханный, бесчувственный, неподвижный, как гора! О, простите! Слезы невольно льются у меня из глаз, но я вижу, что и ваши глаза также оросились слезами, и не стыжусь плакать. Может ли, смеет ли обвинить нас мир, если мы затопим его нашими слезами?!

Но к делу!.. – продолжал оратор. – Не слезы, нет, не слезы, но месть должна быть утешением героев. Великие Пигмеи! Неужели мы стерпим это оскорбление? Неужели мы позволим вероломному чужестранцу уйти безнаказанно из нашего государства, уйти в далекие страны и там хвалиться своим подвигом? Не должны ли мы заставить его сложить свои кости там же, где лежит труп нашего друга и брата? Пусть остов этого злодея вечно свидетельствует миру о силе пигмейской мести. Месть, месть! Я уверен, что решение этого собрания будет достойно нашего народного характера и увеличит, а не уменьшит ту славу, которую передали нам наши предки и которую мы так доблестно поддержали в наших битвах с журавлями!

Речь оратора была прервана взрывом рукоплесканий. Толпа единодушно вопила, что народная честь должна быть спасена. Успокоивши слушателей движением руки, оратор продолжал:

– Теперь нам остается только решить вопрос: будем ли мы сражаться целым народом против нашего общего врага или кто-нибудь один из нас будет избран вызвать на поединок убийцу нашего милого брата? О, как бы радовался я, если бы эта великая честь пала на меня! И поверьте мне, сограждане, что какая бы судьба меня ни ожидала, я не уроню чести нашей родины, чести, завещанной нам нашими храбрыми предками. Никогда, никогда! Если бы даже злодейская рука, убившая великого Антея, уложила и меня на ту же родную землю, на защиту которой я отдаю жизнь мою!

При этих словах мужественный Пигмей выхватил свой страшный меч величиною с перочинный ножик и далеко отбросил от себя ножны. Восторженные крики и рукоплескания были ответом оратору; страшный шум продолжался бы долго, если б в эту минуту он не был заглушен сильным дыханием или попросту храпом спящего Геркулеса.

После короткого совещания о том, как действовать против общего врага, все воины пигмейского народа взялись за оружие и мужественно двинулись на Геркулеса. А он, несчастный, продолжал спать очень крепко, не видал даже и во сне, какие беды готовятся ему Пигмеями. Впереди шел двадцатитысячный отряд стрелков, наложив стрелы на тетивы, за этим отрядом шел другой, который вместо оружия нес лопаты, связки сена и разный мусор: эти храбрецы должны были выкопать глаза Геркулесу и, заткнув ему чем попало рот и ноздри, задушить злодея. Но вихрь, выходящий из носа и рта неприятеля, уносил храбрых воинов, как ураган, что помешало им исполнить возложенное на них поручение.

После такой неудачи Пигмеи держали снова военный совет, на котором было решено сжечь Геркулеса живым. Тысячи пигмейских воинов, работая из всех сил, наносили сучьев, соломы, хворосту и обложили им голову Геркулеса. Между тем пигмейские стрелки стали в таком расстоянии, чтобы пустить в лицо неприятеля, как только он проснется, целую тучу стрел. Когда все было готово, принесли горящую головню и подожгли хворост. Сильное пламя мигом вспыхнуло, и неприятель непременно бы сгорел, если бы остался лежать на месте. Пигмеи, как вам известно, хоть и маленькие люди, но могут точно так же наделать пожару, как и самый большой человек. Но как только Геркулес почувствовал, что его начинают жарить, то вскочил на ноги в ту же минуту и стал тушить свои волосы, которые уже горели.

– Это что еще значит? – закричал он, с изумлением осматриваясь вокруг и не замечая никого.

В эту минуту двадцать тысяч стрел, жужжа, как рой комаров, понеслись прямо в лицо неприятеля, но я полагаю, что немногие из них пробили кожу богатыря, которая, как и следует быть богатырской коже, была очень толста.

– Злодей! – крикнули в это время все Пигмеи разом. – Ты убил нашего великого брата и союзника, мы объявляем тебе кровавую войну на жизнь и смерть, войну до тех пор, пока не

положим тебя на месте!

Геркулес в это время уже успел потушить свои волосы, и до слуха его достиг крик миллиона тоненьких голосков. С удивлением осматривался он вокруг, но никого не видал. Наконец уже случайно взглянул он на землю и заметил, что у ног его копошатся тысячи крошечных созданий. Геркулес видел множество чудес, но таких маленьких людей еще никогда не видал. Он нагнулся, поймал пальцами одного из Пигмеев и, поставив его к себе на ладонь, поднес к глазам, чтобы рассмотреть поближе, что это было такое. Случилось, что этот Пигмей был тот самый красноречивый оратор, который, как вы помните, говорил такую геройскую речь с верхушки мухомора и просил позволения у народа вызвать Геркулеса на поединок.

– Что же ты такое, мой маленький приятель? – спросил Геркулес, с удивлением рассматривая крошечное существо, стоявшее на его широкой ладони.

– Кто я?... Я враг твой! – отвечал мужественный Пигмей. – Ты убил великана Антея, нашего брата и друга, верного союзника нашего великого народа. Мы решили отомстить тебе, и я – я вызываю тебя на смертный бой!

Мужественный писк Пигмея и воинственный вид этого крошечного существа, так храбро стоявшего на ладони, поразили Геркулеса. Он разразился громовым хохотом и едва-едва не задушил маленького храбреца, невольно сжимая руку в припадке судорожного смеха.

– Клянусь честью, это чудо из чудес! – вскричал богатырь. – Я видел гидру с девятью головами, оленей с золотыми рогами, шестиногих людей, трехголовых собак, но здесь, на моей ладони, стоит чудо, превосходящее все, что я только видел. Твое тело, приятель, меньше моего мизинца, но какова же должна быть твоя душа?

– Она так же велика, как твоя! – отвечал Пигмей спокойно и с достоинством.

Геркулес был тронут непобедимым мужеством крошечного существа и не мог не почувствовать к нему того уважения, какое невольно чувствует один герой к другому.

– Мой храбрый маленький народ! – сказал Геркулес, осторожно опустив храбреца на землю и отдавая низкий поклон великой нации. – Ни за что в мире не решился бы я с намерением оскорбить таких храбрых маленьких людей, как вы. Ваши сердца мне кажутся такими великими сердцами, что я решительно не понимаю, как они могут поместиться в таких маленьких телах. Я прошу у вас мира, с тем условием, чтобы мне позволено было сделать пять шагов и на шестом очутиться вне пределов вашего государства. Прощайте! Я постараюсь ступать осторожнее, чтобы не раздавить кого-нибудь из вас, что было бы мне очень прискорбно. Но и вы, с своей стороны, потрудитесь посторониться. Го, го, го, го, го, посторонитесь! Я в первый раз признаю себя побежденным!

Некоторые из писателей говорят, будто Геркулес забрал всю великую нацию Пигмеев в свою львиную кожу, принес их домой в Грецию и отдал вместо игрушки детям короля Эрисфена, но это ошибка: Геркулес не тронул ни одного из Пигмеев и оставил их там же, где они жили. Может быть, потомки их и теперь продолжают по-прежнему жить на том же самом месте, по-прежнему строят свои маленькие города, по-прежнему обрабатывают свои маленькие поля, убаюкивают своих крохотных детей, дают свои маленькие сражения журавлям, пишут и читают маленькие истории своих великих подвигов. В этих историях пишется, может быть, что много-много столетий тому назад мужественные Пигмеи отомстили за смерть своего брата и друга, великана Антея: принудили славного и могущественного Геркулеса признать себя побежденным и обратили его в бегство.

Сказки

Золотое яичко

Жили себе дед да баба,
И была у них курочка ряба.
Снесла курочка яичко:
Яичко не простое.
Золотое.

Дед бил-бил —
Не разбил;
Баба била-била —
Не разбила.
Мышка бежала,
Хвостиком махнула:
Яичко упало
И разбилось.

Дед и баба плачут;
Курочка кудахчет:
«Не плачь, дед, не плачь, баба.
Я снесу вам яичко другое,
Не золотое – простое».

Репка

Посадил дед репку – выросла большая-пребольшая. Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед на помощь бабку. Бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Жучка Машку. Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Машка мышку. Мышка за Машку, Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут – вытащили репку!

Колобок

Жил-был старик со старухой. Вот и просит старик:

– Испеки мне, старая, колобок.

– Да из чего испечь-то? Муки нет.

– Эх, старуха, по амбару помети, по сусечкам поскреби – вот и наберется.

Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала колобок, изжарила его в масле и положила на окно простынуть.

Надоело колобку лежать, он и покатился с окна на завалинку, с завалинки на травку, с травки на дорожку, – и покатился по дорожке. Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

– Колобок, колобок, я тебя съем!

– Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Заяц уши поднял, а колобок запел:

Я колобок, колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажен,
На окошке стужен,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел:
От тебя, зайца, не хитро уйти.

И покатился колобок дальше – только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу, а навстречу ему серый волк:

– Колобок, колобок, я тебя съем!

– Не ешь меня, серый волк: я тебе песню спою. – И колобок запел:

Я колобок, колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажен,
На окошке стужен,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел:
От тебя, волка, не хитро уйти.

Покатился колобок дальше – только его волк и видел.

Катится колобок по лесу, а навстречу ему медведь идет, хворост ломает, кусты к земле гнет.

– Колобок, колобок, я тебя съем!

– Ну где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше моей песенки.

Колобок запел, а Миша и уши развесил:

Я колобок, колобок,

По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажен,
На окошке стужен.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел:
От тебя, медведь, полгоря уйти.

И покатился колобок; медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса.

– Здравствуй, колобок! Какой ты пригоженький, румяненький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку, а лиса слушает да все ближе подкрадывается.

Я колобок, колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажен,
На окошке стужен,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел:
От тебя, лиса, не хитро уйти.

– Славная песенка! – сказала лиса. – Да то беда, голубчик, что я стала стара – плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой еще разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили, прыгнул лисе на морду да и запел:

Я колобок, колобок…

А лиса его – гам! – и съела.

Умей обождать

Жили-были себе брат да сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленехонькую смородину, а курочка и говорит ему:

– Не ешь, Петя, обожди, пока смородина поспеет!

Петушок не послушался, клевал да клевал и наклевался так, что насилу домой добрел.

– Ох, – кричит петушок, – беда моя! Больно, сестрица, больно!..

Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник – и прошло.

Выздоровел петушок и пошел в поле; бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит:

– Не пей, Петя, обожди, пока простынешь!

Не послушался петушок, напился холодной воды, и тут же стала бить его лихорадка; насилу домой курочка довела. Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась; захотелось петушку на коньках покататься, а курочка и говорит ему:

– Ох, обожди, Петя, дай реке совсем замерзнуть: теперь еще лед очень тонок, утонешь.

Не послушался петушок сестры; покатился по льду, лед проломился, и петушок – бултых в воду! Только петушка и видели.

Плутишка кот

I

Жили-были на одном дворе кот, козел да баран. Жили они дружно: сена клок и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идет раз котишка-мурлышка, серый лобишка; идет да таково жалостно плачет. Спрашивают кота козел да баран:

– Котик-коток, серенький лобок! О чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

– Как мне не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да еще и удавку на меня припасала.

– А за что же на тебя такая беда пришла? – спрашивают козел да баран.

– Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал.

– Поделом вору и мука, – говорит козел, – не воруй сметаны!

Вот кот опять плачет:

– Била меня баба, била; била-приговаривала: «Придет ко мне зять, где сметаны будет взять: поневоле придется козла да барана резать».

Заревели тут козел да баран:

– Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?

Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть – и порешили тут же: всем троим убежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

II

Долго бежали кот, козел да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была темная, холодная; где огня добыть? А котишка-мурлышка уж достал бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козел с бараном, искры из глаз посыпались: бересточка так и запылала.

– Ладно, – молвил серый кот, – теперь обогреемся! – да, не долго думавши, и зажег целый стог сена.

Не успели они еще порядком обогреться, как жалует к ним незваный гость – мужичок-серячок, Михайло Потапыч Топтыгин.

– Пустите, – говорит, – братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется.

– Добро пожаловать, мужичок-серячок! – говорит котик. – Откуда идешь?

– Ходил на пчельник, – говорит медведь, – пчелок проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козел да баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III

Заснул медведь; козел да баран дремлют; один мурлыка не спит и все видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый – и прямо к огню.

– Фу-фу! Что за народ такой! – говорит белый волк козлу да барану. – Давай-ка силу пробовать.

Заблеяли тут со страху козел да баран; а котишка, серый лобишка, повел такую речь:

– Ах ты белый волк, над волками князь!

Не гневи ты нашего старшего: он, помилуй Бог, сердит! Как расходится – никому несдобровать. Аль не видишь у него бороды: в ней-то и вся сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотим-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился, крепился да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они Лазаря[29]. Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты, – давай Бог ноги!

Козел же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорее домой.

– Полно, – говорят, – без пути таскаться, еще не такую беду наживем.

Старик и старушка были рады-радехоньки, что козел с бараном домой воротились; а котишку-мурлышку еще за плутни выдрали.

Петух да собака

Жил старичок со старушкой, и жили они в большой бедности. Всех животов у них только и

было, что петух и собака, да и тех они плохо кормили. Вот собака и говорит петуху:

– Давай, брат Петька, уйдем в лес: здесь нам житье плохое.

– Уйдем, – говорит петух, – хуже не будет.

Вот и пошли они куда глаза глядят; пробродили целый день; стало смеркаться – пора на ночлег приставать. Сошли они с дороги в лес и выбрали большое дуплистое дерево. Петух взлетел на сук, собака залезла в дупло, и – заснули.

Утром, только что заря стала заниматься, петух и закричал:

– Ку-ку-ре-ку!

Услыхала петуха лиса; захотелось ей петушьим мясом полакомиться. Вот она подошла к дереву и стала петуха расхваливать:

– Вот петух так петух! Такой птицы я никогда не видывала: и перышки-то какие красивые, и гребень-то какой красный, и голос-то какой звонкий! Слети ко мне, красавчик.

– А за каким делом? – спрашивает петух.

– Пойдем ко мне в гости: у меня сегодня новоселье, и про тебя много горошку припасено.

– Хорошо, – говорит петух, – только мне одному идти никак нельзя: со мной товарищ.

«Вот какое счастье привалило! – подумала лиса. – Вместо одного петуха будет два».

– Где же твой товарищ? – спрашивает она. – Я и его в гости позову.

– Там, в дупле ночует, – отвечает петух.

Лиса кинулась в дупло, а собака ее за морду – цап!.. Поймала и разорвала лису.

Журавль и цапля

Летела сова – веселая голова; вот она летала, летала и села; хвостиком повертела да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала, летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела… Это присказка, а сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля; построили себе по краям болота избушки и живут. Показалось журавлю скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай, говорит, пойду посватаюсь к цапле!» Пошел – тяп, тяп! Семь верст болото месил, приходит и говорит:

– Цапля! Пойди за меня замуж: станем вместе жить.

– Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя платье коротко, ноги очень длинны, сам худо летаешь, кормить меня будет нечем. Ступай прочь, долговязый!

Пошел журавль домой несолоно хлебавши; а цапля после раздумалась: «Чем жить одной, пойду лучше за журавля». Приходит цапля к журавлю и говорит:

– Журавль, возьми меня замуж.

А журавль сердит:

– Нет, цапля, не возьму тебя замуж: надо было идти, когда сватал, а теперь – убирайся!

Заплакала со стыда цапля и пошла домой. Журавль раздумал и сказал:

– Напрасно не взял за себя цаплю: одному скучно жить; пойду и возьму.

Приходит журавль к цапле и говорит:

– Цапля, я вздумал на тебе жениться, пойди за меня.

А цапля сердита на журавля и говорит:

– Иди прочь, долговязый! Не пойду за тебя замуж.

Пошел журавль домой. Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Пойду лучше за журавля!» Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они до сих пор по болоту один к другому: сватаются, да никак не женятся.

Лиса и козел

Бежала лиса, на ворон зазевалась – и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идет козел, умная голова; идет, бородищей трясет, рожищами мотает, заглянул, от нечего делать, в колодец, увидел там лису и спрашивает:

– Что ты там, лисонька, поделываешь?

– Отдыхаю, голубчик, – отвечает лиса. – Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой – сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

– Хороша ли вода-то? – спрашивает козел.

– Отличная! – отвечает лиса. – Чистая, холодная: прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил, а она ему:

– Эх, бородатый дурень! И прыгнуть-то не умел – всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Как аукнется, так и откликнется

Подружилась лиса с журавлем и зовет его к себе в гости:

– Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж вот как тебя угощу!

Пришел журавль на званый обед. А лиса наварила манной каши, размазала по тарелке и потчует журавля:

– Кушай, куманек, кушай, голубчик! Сама стряпала.

Журавль хлоп-хлоп носом по тарелке, стучал, стучал – ничего не попадает. А лиса лижет себе да лижет кашу, – так всю сама и скушала. Съела лиса кашу и говорит:

– Не обессудь, куманек, больше потчевать нечем.

– Спасибо, кума, и на этом, – отвечает журавль. – Приходи завтра ко мне.

На другой день приходит лиса к журавлю, а журавль наготовил окрошки, наклал в высокий кувшин с узким горлышком, поставил на стол и потчует:

– Кушай, кумушка, кушай, милая! Право, больше потчевать нечем.

Вертится лиса вокруг кувшина: и так зайдет, и этак, и лизнет-то кувшин, и понюхает – все ничего не достанет. А журавль стоит на своих высоких ногах да длинным носом из кувшина окрошку таскает; клевал да клевал, пока все съел.

– Ну, не обессудь, кумушка, больше угощать нечем.

Пошла лиса домой несолоно хлебавши. На этом у них и дружба с журавлем кончилась.

Страшная коза

1

Жили себе дед да баба, а у них была дочь. Купил себе дед козу и велел дочери пасти. Вот дочь пасла целый день, вечером напоила и гонит домой; а дед сел у ворот и спрашивает у козы:

– Коза, моя козочка! Ела ли ты, пила ли ты?

А коза ему в ответ:

Нет, дед, не пила я и не ела!
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек;
А как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку:
Только пила я и ела.

Рассердился дед на дочь, прогнал ее из дому, а на другой день велел своей жене козу пасти. Пасла баба козу до самого вечера, а вечером напоила и гонит домой. Дед опять сидит у ворот и спрашивает:

– Коза, моя козочка! Ела ли ты, пила ли ты?

А коза опять запела в ответ:

Нет, дед, не пила я и не ела!
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек;

А как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку:
Только пила я и ела.

Рассердился дед на бабу, прогнал ее из дому. На другой день пошел дед уже сам козу пасти; пас целый день, вечером напоил и погнал домой; а сам забежал вперед, сел у ворот и спрашивает у козы:

– Сыта ли ты, козочка? Сыта ли, моя милая?

Коза сдуру и ему ту же песню запела:

Не пила я, дед, и не ела!
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек;
А как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку:
Только всего пила я и ела.

Рассердился тут дед на козу, привязал за рога к воротам и стал козу резать. Резал, резал – ножик иступил; побежал в кузницу точить, а коза оторвалась и убежала в лес. Бежит коза, назад не оглядывается; видит – заячья избушка стоит. Вбежала коза в избушку, а зайца-то дома нет. Забралась незваная гостья на печь, да там и засела.

2

Прискакал зайчик домой, слышит, кто-то на печи ворочается. Вот заяц и спрашивает:

– Кто, кто в моей избушке?

А коза с печи:

Я коза-дереза!
Полбока луплена,
За три гроша куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Испугался заяц, думает: что за зверь такой, невиданный, на печи сидит? Убежал заяц из дому, сел под березу и плачет. Идет мимо волк и спрашивает:

– О чем, заинька, плачешь?

– Так и так, – говорит заяц, – поселился в моей избушке неслыханный зверь; негде мне, зайцу, жить теперь.

Волк и говорит:

– Не плачь, зайка! Я этого зверя тебе выгоню. – Подошел волк к избе и спрашивает: – Кто, кто в зайкиной избушке?

А коза с печи:

Я коза-дереза!
Полбока луплена,
За три гроша куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Испугался волк, давай бог ноги. Вот опять сидит заяц под березкой и плачет.

Идет мимо медведь:

– О чем ты, заинька, плачешь?

Заинька рассказал и медведю про свое горе, а медведь и говорит:

– Не плачь, заинька! Я этого зверя тебе выгоню. – Пошел к избе и рявкнул: – Кто, кто в зайкиной избушке?

А коза с печи:

Я коза-дереза!
Полбока луплена,
За три гроша куплена.
Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Испугался медведь (никогда о таком звере он не слыхивал) и убежал в лес. Сидит опять заяц под березкой и плачет. Идет мимо петушок, масляна головушка, шелкова бородушка:

– Кукуреку! Зайка, о чем ты горюешь?

Заяц и петушку рассказал про свою беду.

– Не плачь, зайка! – говорит петушок. – Я тебе этого зверя выгоню.

– Где тебе выгнать, петушок! Волк гнал – не выгнал; медведь гнал – не выгнал; где уж тебе, петуху, такого неслыханного зверя выгнать!

– А вот я-то и выгоню, – отвечает петух.

Влетел в избу, стал на пороге да как гаркнет во всю мочь:

Кукуреку! Кукуреку!
Иду на ногах,
В красных сапогах!
Несу, несу косу,
Тебе голову снесу
По самые плечи —

Полезай-ка с печи!

Перепугалась коза, брякнулась с печи на пол – и убилась. А зайчик с петушком поселились в избушке; стали жить да поживать да добра наживать.

Петух и кот

Жили-были кот да петух, жили они дружно. Кот ходил в лес на промысел, а петуху наказывал дома сидеть, дверей не отпирать и в окошко не выглядывать: не унесла бы воровка-лиса. Ушел кот в лес, а лиса тут как тут: подбежала к окну да и поет:

Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!
Выгляни в окошко:
Дам тебе горошку.

Захотелось петушку посмотреть, кто так сладко поет; выглянул он в окно, а лиса его – цап-царап! – и потащила. Несет лиса петуха, а петух кричит:

Несет меня лиса
За темные леса,
За высокие горы,
В далекие страны!
Котику-братику,
Отыми меня!

Услыхал кот знакомый голосок, нагнал лису, отбил петушка и принес домой.

– Смотри же, Петя, – говорит кот, – завтра я пойду дальше, не слушай лисы, не выглядывай в окно; а не то – съест тебя лиса, косточек не оставит.

Ушел кот, а лиса опять под окном и поет:

Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!
Выгляни в окошко:
Дам тебе горошку,
Дам и зернышков.

Долго крепился петушок, не выглядывал, хоть очень уж хотелось ему посмотреть, какие там зернышки у лисы. Видит лиса, что не выглядывает петух, принялась опять петь:

Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!
Вот бояре ехали,
Пшено порассыпали,
Некому подбирать.

Тут уж не вытерпел петушок, захотелось ему посмотреть, какое там бояре пшено рассыпали, – выглянул: а лиса петушка – цап-царап! – и потащила. Кричит опять петушок:

Несет меня лиса
За темные леса,
За высокие горы,
В далекие страны!
Котику-братику,
Выручи из беды!

Далеко был кот, едва услыхал знакомый голосок; однако же побежал в погоню, догнал лису, отбил петушка и притащил домой.

– Смотри же, петушок! Завтра я еще дальше уйду. Не слушай лису, не выглядывай в окошко; а то и будешь кричать, да не услышу.

Ушел кот, а лиса под окно и запела:

Кукуреку, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!
Выгляни в окошко,
Погляди немножко:
Как у Карпова двора
Поукатана гора,
Стоят сани-самокаты,
Они сами катят,
Сами ехать хотят.

Хочется петушку хоть одним глазком взглянуть на санки-самокатки, да думает себе: «Нет, не выгляну; уйдет лиса, тогда погляжу!» Запела было опять лиса свою песню, а петушок ей и говорит:

– Нет, не обманешь меня больше, лиса, не выгляну!

– А мне что тебя обманывать? – отвечает лиса. – Хочешь – гляди, хочешь – нет. Прощай! Мне домой пора.

Отбежала лиса, да и спряталась за угол. Не слышит петушок лисы; захотелось ему посмотреть, в самом ли деле она ушла, – выглянул; а лиса его – цап-царап! – и потащила.

Сколько ни кричал петушок, котик его не услышал: очень уж далеко был.

Лиса и волк

I

Сильно проголодалась лиса, бежит по дороге и смотрит по сторонам: нельзя ли где чем-нибудь съестным разжиться. Видит она – везет мужичок на санях мерзлую рыбу. «Недурно бы рыбки отведать», – подумала лиса. Забежала вперед, легла на дорогу, хвост откинула, ноги выпрямила… Ну дохлая, да и полно! Подъехал мужик, посмотрел на лису и говорит:

– Славный будет воротник жене на шубу.

Взял лису за хвост и швырнул ее в сани, закрыл рогожею, а сам пошел подле лошади.

Недолго пролежала лисонька: проделала в санях дыру и давай в нее рыбу выкидывать… Рыбка за рыбкой, повыкидала всю; а потом и сама из саней потихоньку вылезла. Приехал мужик домой, осмотрелся – ни рыбы, ни воротника!

II

Лиса перетаскала всю рыбу к себе в нору; потом села у норы и рыбку кушает. Видит она – бежит волк. От голода у него бока подвело.

– Здравствуй, кума, что ты кушаешь?

– Рыбку, куманек.

– Дай мне хоть одну.

– Как же! Разевай рот! Видишь ты, какой ловкий: я ловила, а ты будешь есть.

– Дай хоть головку, кумушка!

– Ни хвостика, куманек! Налови сам и кушай на здоровье.

– Да как же ты наловила? Научи.

– Изволь! Отыщи на реке прорубь, сунь туда хвост, сиди да приговаривай: «Ловися рыбка, большая и маленькая…» – она и наловится.

Волк отыскал прорубь, сунул в воду хвост, сидит и бормочет:

– Ловися, рыбка, большая, да все же большая…

А лиса прибежала, стала бегать вокруг да приговаривать:

– Мерзни, мерзни, волчий хвост!

– Что ты, кума, твердишь? – спрашивает волк.

– То же, что и ты, куманек: «Ловися, рыбка, большая и маленькая».

Вот опять волк сидит и свое твердит, а лиса – свое.

– Не пора ли тащить, кумушка? – спрашивает волк.

– Нет еще, я скажу, когда придет пора, – отвечает лиса.

Вот опять волк сидит да свое приговаривает, а лиса – свое. Видит лиса, что прорубь хорошо замерзла, и говорит:

– Ну, теперь тащи, куманек!

Потянул волк – не тут-то было!

– Вот видишь, какой ты жадный! – укоряет лиса волка. – Все твердил: «Ловися, рыба, большая и еще большая», а теперь и не вытащишь! Погоди же, я позову к тебе на помощь.

Побежала лиса в село и давай под окнами кричать:

– Идите на реку волка бить, ко льду примерз!

Бегут на реку мужики, кто с топором, а кто с вилами. Видит волк беду неминучую – рванулся изо всех сил, оторвал себе хвост, да без хвоста пустился удирать куда видно; а кумушка ему вслед кричит:

– Воротись, куманек, рыбку позабыл!

Мужик и медведь

Подружился медведь с мужиком, и вздумали они вместе репу сеять. Мужик сказал:

– Мне корешок, а тебе, Миша, вершок.

Выросла славная репа; мужик взял себе корешки, а Мише отдал вершки. Поворчал Миша, да делать нечего. На другой год говорит мужик медведю:

– Давай опять вместе сеять.

– Давай! Только теперь ты себе бери вершки, а мне отдай корешки, – уговаривается Миша.

– Ладно! – говорит сговорчивый мужик. – Пусть будет по-твоему. – И посеял пшеницу.

Добрая пшеница уродилась; мужик получил вершки, а Миша – корешки.

С тех пор у медведя с мужиком и дружба врозь.

Волк и собака

Толстый и сытый дворовый пес, разорвав веревку, побежал за город прогуляться. В соседнем перелеске он встретился с волком, да таким худым, поджарым – кости да кожа. Сытый пес взглянул на него более с сожалением, чем со злостью. Ободренный таким приемом, волк пустился в разговор с собакой и стал ей жаловаться на свое худое житье. Сжалилась собака над волком и говорит ему:

– Ступай жить к нам, у нас хозяин добрый и за ничтожную службу даст тебе теплую конуру и хороший корм.

Обрадовался бедный волк такому приглашению и побежал с собакою в город; но дорогою заметил, что у его спутницы на шее вытерта шерсть.

– А это что у тебя? – спросил волк. – Отчего недостает шерсти на шее?

– Это так, пустяки! – отвечала собака с неудовольствием.

– Однако же? – пристает волк.

– Вздор! – ворчит собака. – Это от веревки, которою меня привязывают на ночь, чтобы я не убежала.

– Так тебя привязывают на веревку?

– Иногда… Вот видишь ли, нельзя же…

– Э, нет, мой милый! – сказал тут волк, останавливаясь у городских ворот. – На веревке мне не нужна ни твоя теплая конура, ни твоя сытная пища, ни твой добрый хозяин. Прощай! – и помчался назад в лес.

Охотник до сказок

Жил себе старик со старухою, и был старик большой охотник до сказок и всяких россказней. Приходит зимою к старику солдат и просится ночевать.

– Пожалуй, служба, ночуй, – говорит старик, – только с уговором: всю ночь мне рассказывай. Ты человек бывалый, много видел, много знаешь.

Солдат согласился. Поужинали старик с солдатом, и легли они оба на полати рядышком, а старуха села на лавке и стала при лучине прясть.

Долго рассказывал солдат старику про свое житье-бытье, где был и что видел. Рассказывал до полуночи, а потом помолчал немного и спрашивает у старика:

– А что, хозяин, знаешь ли ты, кто с тобою на полатях лежит?

– Как кто? – спрашивает хозяин. – Вестимо, солдат.

– Ан нет, не солдат, а волк.

Поглядел мужик на солдата, и точно – волк. Испугался старик, а волк ему и говорит:

– Да ты, хозяин, не бойся, погляди на себя, ведь и ты медведь.

Оглянулся на себя мужик, и точно – стал он медведем.

– Слушай, хозяин, – говорит тогда волк, – не приходится нам с тобою на полатях лежать; чего доброго, придут в избу люди, так нам смерти не миновать. Убежим-ка лучше, пока целы.

Вот и побежали волк с медведем в чистое поле. Бегут, а навстречу им хозяинова лошадь. Увидел волк лошадь и говорит:

– Давай съедим!

– Нет, ведь это моя лошадь, – говорит старик.

– Ну так что же, что твоя: голод не тетка.

Съели они лошадь и бегут дальше, а навстречу им старуха, старикова жена. Волк опять и говорит:

– Давай старуху съедим.

– Как есть? Да ведь это моя жена, – говорит медведь.

– Какая твоя! – отвечает волк.

Съели и старуху.

Так-то пробегали медведь с волком целое лето. Настает зима.

– Давай, – говорит волк, – заляжем в берлогу; ты полезай дальше, а я спереди лягу. Когда найдут на нас охотники, то меня первого застрелят, а ты смотри: как меня убьют да начнут шкуру сдирать, выскочи из берлоги да через шкуру мою переметнись – и станешь опять человеком.

Вот лежат медведь с волком в берлоге; набрели на них охотники, застрелили волка и стали с него шкуру снимать. А медведь как выскочит из берлоги да кувырком через волчью шкуру… и полетел старик с полатей вниз головой…

– Ой, ой! – завопил старый. – Всю спинушку себе отбил!

Старуха перепугалась и вскочила:

– Что ты, что с тобой, родимый? Отчего упал, кажись, и пьян не был!

– Как отчего? – говорит старик. – Да ты, видно, ничего не знаешь! – И стал старик рассказывать: – Мы-де с солдатом зверьем были: он волком, я медведем; лето целое пробегали, лошадушку нашу съели и тебя, старуха, съели.

Взялась тут старуха за бока и ну хохотать.

– Да вы, – говорит, – оба уже с час вместе на полатях во всю мочь храпите, а я все сидела да пряла.

Больно расшибся старик; перестал он с тех пор до полуночи сказки слушать.

Мена

Купался богатый купец в реке, попал на глубокое место и стал тонуть. Шел мимо старик, мужичок-серячок, услыхал крик, кинулся – и купца из воды вытащил. Купец не знает, как старика благодарить. Позвал к себе в город, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиною в конскую голову.

Взял золото мужичок и идет домой, а навстречу ему барышник целый табун лошадей гонит:

– Здравствуй, старик! Откуда Бог несет?

– Из города, от богатого купца.

– Что же тебе купец дал?

– Кусок золота в конскую голову.

– Отдай мне золото, возьми лучшего коня.

Взял старик лучшего коня, поблагодарил и пошел дальше. Идет старик, а навстречу ему пастух волов гонит.

– Здравствуй, старик! Откуда Бог несет?

– Из города, от купца.

– Что же тебе купец дал?

– Золота в конскую голову.

– А где же оно?

– Променял на коня.

– Променяй мне коня на любого вола.

Старик выбрал вола, поблагодарил и пошел.

Идет старичок, а навстречу овчар – гонит овечье стадо:

– Здравствуй, старичок! Откуда Бог несет?

– От богатого купца, из города.

– Что же тебе купец дал?

– Золота в конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– Променяй мне вола на любого барана.

Взял старик лучшего барана, поблагодарил и пошел дальше.

Идет старик, а навстречу свинопас – поросят гонит:

– Здравствуй, старик! Где был?

– В городе, у богатого купца.

– Что же тебе купец дал?

– Кусок золота в конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– А вол где?

– Променял на барана.

– Давай мне барана, бери себе лучшего поросенка.

Выбрал старик поросенка, поблагодарил пастуха и пошел.

Идет старик, а навстречу ему коробейник с коробком за спиной:

– Здравствуй, старик! Откуда идешь?

– От купца, из города.

– А что тебе купец дал?

– Золота в конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– А вол где?

– Променял на барана.

– А баран где?

– Променял на порося.

– Променяй мне поросенка на любую иглу.

Выбрал старик славную иголку, поблагодарил и пошел домой. Пришел старик домой, стал через плетень перелезать и иглу потерял.

Выбежала старику навстречу старушка:

– Ах, голубчик мой! Я без тебя здесь совсем было пропала. Ну рассказывай – был ты у купца?

– Был.

– Что тебе купец дал?

– Кусок золота в конскую голову.

– Где же оно?

– Променял на коня.

– А конь где?

– Променял на вола.

– А вол где?

– Променял на барана.

– А баран где?

– Променял на поросенка.

– А поросенок где?

– Променял на иглу: хотел тебе, старая, подарочек принести, стал через плетень перелезать и потерял.

– Ну, слава же Богу, мой голубчик, что ты сам вернулся; пойдем в избу ужинать.

И теперь живет старичок со старушкой, счастливы и без золота.

Вареный топор

Пришел солдат в село на квартиру и говорит хозяйке:

– Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

– Вон там, родимый, на гвоздике повесь.

– Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

– Где хочешь, там и заночуешь.

– Ах ты, старая дура! Погоди, я те глухоту-то вылечу! – И полез было солдат к ней с кулаками: – Подавай, старая, на стол.

– Да нечего, родимый!

– Вари кашицу!

– Да не из чего, родимый!

– Давай топор, я из топора сварю.

«Что за диво! – думает старуха. – Дайка посмотрю, как он из топора кашу сварит», – и принесла топор.

Солдат положил топор в горшок, налил воды, поставил в печь и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит:

– Всем бы кашица взяла, только бы круп подсыпать.

Принесла баба круп. Солдат опять стал варить, попробовал и говорит:

– Совсем бы каша готова, только бы маслицем сдобрить.

Принесла ему баба и масла. Сварил солдат кашу.

– Ну, старуха, – говорит, – давай теперь хлеба да соли да берись за ложку: станем кашицу есть.

Похлебали вдвоем кашу, старуха и спрашивает:

– А что же, служивый, когда топор будем есть?

Солдат ткнул в топор вилкою и говорит:

– Еще не доварился, сама завтра довари!

Гуси

Жил старичок со старушкой. Были у них дочка да сынок маленький. Собрались старики в город и приказывают дочке:

– Мы пойдем, дочка, в город, принесем тебе булочку, купим платочек; а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи.

Ушли старики; девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крылышках.

Прибежала девочка, глядь – нет братца! Кинулась туда-сюда – нету! Кликала девочка, кликала братца – не откликается. Выбежала в чистое поле – вдали метнулось гусиное стадо и пропало за темным лесом. «Верно, гуси унесли братца!» – подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит – стоит печка.

– Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего ржаного пирожка – скажу.

А девочка говорит:

– У моего батюшки и пшеничные не едятся!

И побежала дальше.

Бежит девочка дальше и видит – стоит яблоня.

– Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?

– Съешь моего лесного яблочка – тогда скажу.

– У моего батюшки и садовые не едятся! – сказала девочка и побежала дальше.

Бежит девочка и видит: льется молочная речка – кисельные берега.

– Молочная речка – кисельные берега! Скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего простого киселика с молочком – тогда скажу.

– У моего батюшки и сливочки не едятся!

И побежала девочка дальше.

Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу еж. Хотела девочка ежа толкнуть, да побоялась наколоться и спрашивает:

– Ежик, ежик, куда гуси полетели?

Ежик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит – стоит избушка на курьих ножках, стоит поворачивается. В избушке сидит баба-яга, костяная нога, морда глиняная, сидит и братец на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой. А баба-яга кликнула гусей и послала их за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем ее нагоняют. Куда деваться? Прибежала девочка к молочной речке с кисельными берегами:

– Реченька, голубушка, укрой меня!

– Съешь моего простого киселика с молочком.

Похлебала девочка киселика с молочком. Тогда речка спрятала девочку под крутой бережок, а гуси мимо и пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси ее увидали и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Прибежала она к яблоньке:

– Яблонька, голубушка, спрячь меня!

– Съешь моего лесного яблочка, тогда спрячу.

Нечего девочке делать – съела она лесного яблочка. Яблонька закрыла девочку ветками; гуси и пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблони и пустилась бежать домой. Бежит, а гуси опять ее увидали – и ну за ней! Совсем налетают, крыльями над головой машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки:

– Печечка, матушка, спрячь меня!

– Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу.

Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла в печь. Гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидали и опять погнались за нею. Вот-вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди, братца из рук вырвут, да изба-то была уже недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла. Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели к бабе-яге.

Пришли домой старичок и старушка, видят – мальчик дома, жив и здоров. Подарили девочке булочку и платочек.

Не плюй в колодец – пригодится воды напиться

I

Жили себе дед да баба. У деда была дочь, и у бабы дочь. Баба была злая-презлая, и дочь у нее

такая же. Дед был человек смирный, и дочь его Машенька тоже девочка смирная, работящая, красавица.

Невзлюбила мачеха Машеньку и пристала к деду:

– Не хочу с Машкой жить! Вези ее в лес, в землянку; пусть там прядет – больше напрядет.

Совсем заела мужика злая баба. Нечего тому делать: запряг он телегу, посадил Машу и повез в лес. Ехали, ехали и нашли они в лесу землянку. Жаль старику дочери, да делать нечего! Дал он ей огниво, кремешок, трут и мешочек круп и говорит:

– Огонек, Маша, не переводи, кашку вари, избушку припри, а сама сиди да пряди; завтра я приеду тебя проведать.

Попрощался старик с дочерью и поехал домой.

Осталась Маша одна, весь день пряла; а как пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу. Только что каша закипать стала, как вылезла из-под полу мышка и говорит:

– Дай мне, красная девица, ложечку кашки.

Машенька досыта мышку накормила, а мышка поблагодарила ее и спряталась.

Поужинала Маша и села опять прясть. Вдруг, в самую полночь, вломился медведь в избу и говорит Маше:

– А ну-ка, девушка, туши огонь, давай в жмурки играть! Вот тебе серебряный колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить.

Испугалась Маша, не знает, что ей делать; а мышка вылезла из-под полу, вбежала девушке на плечо да в ухо и шепчет:

– Не бойся, Маша, туши огонь, полезай сама под печь, а колокольчик мне отдай.

Машенька так и сделала.

Стал медведь в жмурки играть: никак мышки поймать не может; а та бегает да колокольчиком звонит. Ловил медведь, ловил – разозлился, заревел и стал поленьями во все углы швырять: перебил все горшки и миски, а в мышку не попал. Пристал наконец медведь и говорит:

– Мастерица ты, девушка, в жмурки играть! – и ушел.

II

Поутру баба сама посылает деда в лес:

– Поезжай, посмотри, много ли твоя Машутка напряла.

Уехал старик; а баба села у окна и дожидается, что вот-де приедет дед и Машуткины косточки в мешке привезет.

Сидит баба час, другой, слышит – что-то по дороге из лесу тарахтит, а шавка из-под лавки:

– Тяф-тяф-тяф! Со стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везет.

Крикнула баба на собачку:

– Врешь ты, шавка! Это в кузове Машуткины косточки гремят!

Но заскрипели ворота, кони на двор вбежали, а Маша с отцом сидят на возу – полон воз добра! Почернела тут баба от злости и говорит:

– Эка невидаль какая! Вези мою дочку в лес. Моя Наташка не твоей Машке чета – два стада коней пригонит, два воза серебра привезет.

На другой день отвез дед бабину дочь в землянку и снарядил ее всем, как и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу. Мышка выглянула из-под полу и просит:

– Красна девица, дай мне ложечку кашки.

А Наташка как крикнет:

– Ишь ты, гадина какая! Еще каши захотела! – и швырнула в мышку поленом.

Мышка убежала, а Наташа села, всю кашу сама приела и легла спать.

В самую полночь вломился медведь в избу:

– А ну-ка, девушка, давай в жмурки играть! Вот тебе колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить!

Взяла Наташа колокольчик и стала бегать. Да куда! – колени трясутся, рука дрожит, колокольчик без толку звонит; а мышка из-под полу отзывается:

– Злой Наташке избитой быть!

Наутро баба посылает старика в лес.

– Поезжай, – говорит, – гони коней, вези серебро.

Уехал старик, а баба села у ворот и дожидается. Вот затарахтело по дороге из лесу, а собака из-под ворот:

– Тяф-тяф-тяф! Хозяйкина дочка едет, охает да кричит; а пустой воз тарахтит.

Швырнула баба в собачку поленом:

– Врешь ты, шавка, это серебро в сундуках звенит!

Подъехал старик с Наташкой, и насилу-то ее с пустого воза сняли. Завыла тут злая мачеха, да делать нечего. А Машенька скоро потом за хорошего молодца замуж вышла.

Братец Иванушка и сестрица Аленушка

I

Идут двое сирот, братец Иванушка с сестрицей Аленушкой, в дальний путь по открытому полю; а жар-то, жар их донимает. Захотелось Иванушке пить.

– Сестрица Аленушка, я пить хочу.

– Подожди, братец, до колодца дойдем.

Идут -

А солнце высóко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит лошадиное копытце,
Полно водицы.

– Сестрица Аленушка! Хлебну я из копытца.

– Не пей, братец, жеребеночком станешь.

Вздохнул Иванушка, и опять пошли.

Идут -

А солнце высóко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит коровье копытце,
Полно водицы.

– Сестрица Аленушка! Хлебну я из копытца.

– Не пей, братец, теленочком скинешься.

И пошли они дальше. Идут -

А солнце высóко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит баранье копытце,
Полно водицы.

Не спросился уже у Аленушки братец: поотстал немного, схватил копытце и выпил до дна.

II

Оглянулась Аленушка, зовет братца; а вместо Иванушки бежит к ней беленький барашек. Догадалась Аленушка, что это за белый барашек, и горько заплакала. Но делать нечего, пошли дальше Аленушка с барашком.

Идут они, а навстречу им едет барин:

– Продай барашка, красная девица!

Аленушка отвечает:

– Нет, барин, этот барашек не продажный; это не настоящий барашек, а мой братец родимый.

Барин взял их обоих и повез к себе; потом на Аленушке женился, а барашка берег и холил. Жили они очень счастливо. Добрые, на них глядя, радовались, а злые – завидовали. Больше всех завидовала соседка, старая ведьма: думала она, что барин женится на ее дочери, да не по ее вышло.

Вот задумала ведьма Аленушку извести и стала ее подстерегать. Пошла раз Аленушка гулять; а ведьма схватила ее, навязала ей тяжелый камень на шею и бросила в реку. Дочку же свою обернула Аленушкой и послала в барские хоромы. Никто ее и не распознал: сам барин обманулся. Один барашек все знал: не ест, не пьет, ходит по берегу да жалобно кричит.

III

Услышала новая барыня, как кричит барашек, и говорит барину:

– Вели барашка зарезать.

Удивился барин: «Как это, жена так любила барашка, а то вдруг велит его резать!» Однако согласился. И велела ведьмина дочь наточить ножи, разложить костры и нагреть котлы. Проведал барашек, что ему не долго жить: лег на бережку у реки и причитывает:

Аленушка, сестрица моя!
Меня хотят зарезати;
Костры кладут высокие,
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные.
А Аленушка из-под воды братцу и отвечает:

Ах, братец мой, Иванушка!
Тяжел камень шею перетер,
Шелкова трава на руках свилась,
Желты пески на грудь легли.

Барин был неподалеку; услыхал, как Аленушка с братцем переговариваются, и стал своих людей звать:

Собирайтесь вы, люди дворовые,
Закидайте невода шелковые!

Собрались люди, закинули невод и вытащили Аленушку. Отрезали камень, окунули ее в чистую воду и обтерли полотенцем. Ожила Аленушка и стала еще краше прежнего. Бросилась она барашка обнимать, а барашек стал уже Иванушкой. Зажили они тогда втроем лучше прежнего; а ведьмину дочь слуги метлами со двора прогнали.

Сивка-бурка

1

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий – Иванушка-дурачок: день и ночь дурачок на печи валяется.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам

толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

– Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь, поочередно: поймайте мне вора!

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать; забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит:

– Всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын и также всю ночку проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед дураку идти. Взял он аркан и пошел. Пришел на межу и сел на камень: сидит, не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал в пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая – серебряная; бежит – земля дрожит, из ноздрей дым столбом валит, из очей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил, не тут-то было! Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

– Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу.

– Хорошо, – отвечает Иванушка-дурачок, – да как я тебя потом найду?

– Выйди за околицу, – говорит конь, – свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» – я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово – пшеницы больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка домой.

– Ну что, дурак, видел? – спрашивают братья.

– Поймал я, – говорит Иванушка, – разношерстного коня; пообещался он больше не ходить в пшеницу – вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком; но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

2

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи[30] от царя ходить, клич кликать:

– Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней, и кто на своем коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья: не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

– Куда тебе, дурак, – говорят братья, – людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошел грибы брать. Вышел

Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

– Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из очей пламя, из ноздрей дым столбом валит; прибежал – и стал перед Иванушкой как вкопанный.

– Ну, – говорит конь, – влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез – и стал молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит – народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень – цены нет; собой – красавица из красавиц. Никто до нее скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать. Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам. Осерчал конь, прыгнул – только на три венца до царевнина окна не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад; братья его не скоро посторонились, так он их шелковой плеткой хлестнул. Кричит народ: «Держи! Держи его!» – а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принес домой.

– Вот вам, хозяюшки, грибков! – говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

– Что ты, дурак, за грибы принес? Разве тебе одному их есть!

Усмехнулся Иван и опять залег на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели; а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

3

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

– Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит – на площади народу еще больше прежнего; все на царевну любуются, а прыгать никто и не думает: кому охота шею ломать? Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам. Осерчал конь, прыгнул – и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уж на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник; прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плеткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул – и достал до окна. Иванушка поцеловал

царевну в сахарные уста, схватил с ее пальца дорогой перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плеткой огреть. Тут уж и царь, и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» А Иванушкин и след простыл.

Пришел Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана.

– Что это у тебя такое? – спрашивают Ивана невестки.

– Да вот, – говорит, – искавши грибов, сучком накололся. – И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было; а Иванушке на печи захотелось на перстенек посмотреть; как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

– Перестань, дурак, с огнем баловать! – крикнули на него братья. – Еще избу сожжешь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать!

Дня через три идет от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собрался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться; а кто царским пиром побрезгует, тому голову с плеч.

Нечего тут делать: пошел на пир сам старик со своей семьей. Пришли, за столы дубовые посадилися; пьют и едят, речи гуторят. В конце пира стала царевна медом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана… Просто страсть!

– Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? – спрашивает царевна. – Развяжи-ка!

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень – так всех и осиял. Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

– Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят – и глазам своим не верят. Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир. Я там был, мед пил; по усам текло, а в рот не попало.

Никита Кожемяка

В старые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народу из Киева потаскал он в свою берлогу; потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут к царевне: «Узнай-де от змея, кто его сильней». Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

– Есть, – говорит змей, – в Киеве Никита Кожемяка, тот меня сильней.

Как ушел зверь на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: «Есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея; пошлите Никиту меня из неволи выручать».

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить: выручить их дочку из тяжкой неволи.

В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидал Никита царя, испугался, руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручать царевну, – не пошел.

Вот и придумали царь с царицею собрать пять тысяч малолетних сирот (осиротил их лютый змей) и послали их просить Кожемяку освободить всю Русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов[31] пеньки, насмолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел. Подходит Никита к змеиной берлоге. А змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

– Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу, – сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминучую, некуда ему от Никиты спрятаться: вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

– Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет; разделим же весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я в другой.

– Хорошо, – сказал Никита. – Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

– Землю мы разделили, теперь давай море делить, чтобы и о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить; вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени в две высотою. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

[1] Тарантас – крытая или открытая четырехколесная длинная повозка.

[2] Уездный и губернский город. – В дореволюционное время Россия делилась на губернии, губернии, в свою очередь, – на уезды. Главный город губернии назывался губернским городом, уезда – уездным.

[3] Присутственные места. – Присутствиями в дореволюционной России назывались государственные учреждения.

[4] Кумач – хлопчатобумажная ярко-красная ткань.

[5] Кичка – праздничный женский головной убор.

[6] Поёмные луга – луга по берегам реки, заливаемые водой в половодье.

[7] Бог в наказание за грехи людей послал на землю потоп, при котором погибло все живое, кроме семьи лишь одного человека – праведника Ноя и по паре каждого вида животных. Извещая Ноя об окончании потопа, Бог послал к нему голубя с масличной ветвью, считающейся теперь символом мира *(библ.)*.

[8] Перлы – жемчуга *(устар.)*.

[9] Крещение – старинный христианский праздник. Сейчас отмечается 19 января.

[10] Вербное воскресенье – старинный христианский праздник. Отмечается в воскресенье на шестой неделе Великого поста (перед Пасхой).

[11] Озимые поля – поля, засеваемые осенью; зерна зимуют под снегом.

[12] Соха, борона – старинные земледельческие орудия. Соха – для вспашки, борона – для разбивки комьев после вспашки.

[13] По новому стилю день осеннего равноденствия – 23 сентября.

[14] По новому стилю день зимнего солнцестояния – 22 декабря.

[15] Стреха, застреха – нижний край крыши, образующий навес.

[16] Мураши – мелкие муравьи или вообще всякие букашки.

[17] Трепало – зубчатая дощечка, которой выколачивают, треплют лен.

[18] Кострика – отбросы льна после выколачивания.

[19] Кросна – старинный ткацкий станок.

[20] Кипень – белая от кипения пена.

[21] Рождество – старинный христианский праздник Нового года. Сейчас отмечается 7 января.

[22] Спасите! *(укр.)*

[23] Орал – пахал *(устар.)*.

[24] Яруга – овраг *(укр.)*.

[25] Веленевая бумага – плотная, глянцевитая бумага.

[26] Вершок – старинная мера длины, равная 4,4 см.

[27] Сажень – старинная мера длины, равная 2,13 м.

[28] Аршин – старинная мера длины, немного меньше метра.

[29] Запеть Лазаря – здесь: жалобно говорить, льстиво упрашивать.

[30] Бирючи – глашатаи.

[31] Пуд – старинная мера веса, равная 16,3 кг.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch